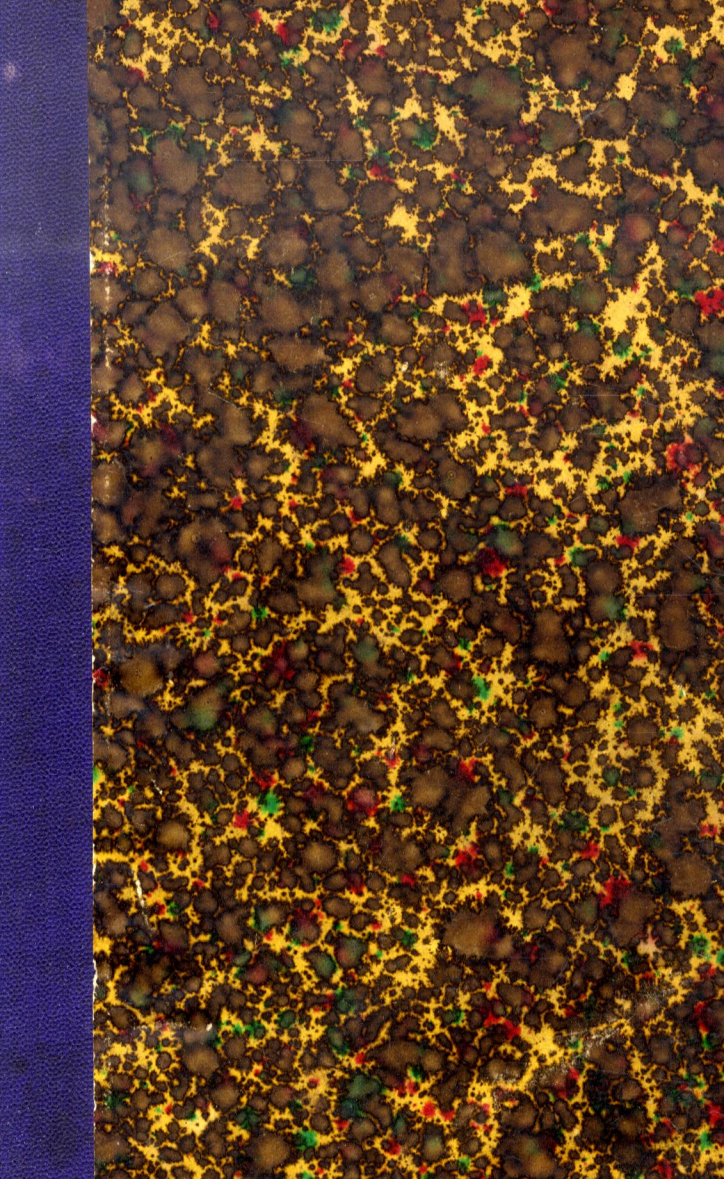

Сказка о Иванѣ Лѣнтѣ

и Прекрасной княжнѣ

Нинѣ

С К А З К А *въд переклада*

ОБЪ

ИВАНЪ - ДЪНТЯЪ,

О

ДЪДЪ - ВОЛШЕБНИКЪ

И О ПРЕКРАСНОЙ КНЯЖИ

НИНЪ

Ивана Франка.

СЪ РАЗРЪШЕНІЯ АВТОРА, ПЕРЕЛОЖИЛЪ СЪ МАЛОРУССКАГО

Гр. Коваленко.

МОСКВА

Типогр. Выс. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.

1896.

8 — 4 — 93 4p.
2 кав.
Дозволено цензурою. Москва, 19 января 1896 г.

~~893~~ ф

ЛВІВ. БІБЛІОТЕКА
АН. УРСР

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 31 773

9681
1261-7
IV
ф

I.

Жилъ здѣсь, въ нашемъ селѣ, Иванъ, парень здоровый и красивый, но такой лѣнивый, такой лѣнивый, что сохрани Господь! Такъ его и прозвали: Иванъ-лѣнтый.

Правда, лѣнность его во многомъ не походила на мою или твою лѣнность, уважаемый читатель; и если бы намъ пришлось ежедневно сработать хоть половину того, что обыкновенно работалъ Иванъ-лѣнтый, то намъ казалось бы, что мы совершили не меньше половины сказочныхъ работъ Геркулеса *). Иванъ вставалъ еще задолго до восхода солнца, кормилъ, поилъ и чистилъ скоть, отбивалъ косу, вязалъ ленъ, косилъ, молотилъ, рубилъ дрова, молотъ зерно на ручныхъ жерновахъ, носилъ кладъ, воду

*) Геркулесъ, по вѣрованіямъ древнихъ, былъ богъ-силачъ.
(Перев.).

изъ рѣки, — однимъ словомъ, дѣлалъ тысячи тѣхъ важныхъ и необходимыхъ дѣлъ, которыя составляютъ содержаніе мужицкой жизни. Отъ ранняго утра и до ночи все на ногахъ, всегда занятой, онъ мало чѣмъ отличался отъ неисчислимаго множества тѣхъ сѣрыхъ людей, что разсыпано по бѣлому свѣту, что вездѣ лазятъ и снуютъ какъ муравьи. На горе ему лѣность эта не могла проявиться на дѣлѣ, потому что, наперекоръ его врожденной лѣности, судьба въ насмѣшку создала его батракомъ, бѣднякомъ безъ поля, безъ хаты и безъ родныхъ. Выросъ онъ межъ чужихъ людей, заброшенный, обижаемый, битый, служилъ за пищу и одежду, и потому обычная тяжесть труда давила его съ удвоенною силою. „Нанялся — продался“, говорить пословица.

Вотъ поэтому лѣность Ивана-лѣнтя не могла проявиться на дѣлѣ, т. е. онъ не могъ ничего не работать. Въ его положеніи объ этомъ даже и мысли не могло быть. Его врожденный недостатокъ проявлялся лишь въ его неохотѣ, нелюбви къ труду, въ томъ, что онъ постоянно ворчалъ, вздыхалъ и прокли-

налъ. Ворчалъ онъ, вставая рано утромъ, проклиналъ восходящее солнце; съ ненавистью принимался за работу и проклиналъ ее, когда оканчивалъ. И хотя онъ никогда не могъ отважиться проклинать или бить хозяйскій скотъ, къ которому привязывался всѣмъ сердцемъ, какъ къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, но все-таки, давая кормъ или воду любимымъ воламъ, онъ ворчалъ на ихъ хозяина. Не за дѣло, значить, а за слова осудили односельцы Ивана, прозвавши его лѣнтяемъ. И по-своему они были правы, покрикивая на Ивана, пренебрегая имъ, насмѣхаясь надъ нимъ, неохотно принимая его въ батраки. Хотя самъ Иванъ работалъ хорошо, но его вѣчное ворчанье, заспанное лицо и осовѣлые глаза, — все это обдавало его, и несло отъ него какимъ-то духомъ лѣнности, который заражалъ и обезсиливалъ другихъ. Въ мужицкой земледѣльческой работѣ большое значеніе имѣетъ гуртовое приложеніе силъ, умѣнье заохотить, подбодрить другихъ. Работникъ веселый, шутливый, пѣвучій, у котораго „глаза играютъ“ и „жилы ходятъ“ при работѣ, — таковъ работникъ для хо-

заяина — владѣ. Хотя самъ онъ нерѣдко работаетъ меньше, чѣмъ другіе, но подъ шумокъ его прибаутокъ и пѣсенъ, при видѣ его здороваго лица, веселыхъ глазъ, быстрыхъ и сильныхъ движеній всѣмъ работается веселѣе, скорѣе и лучше. Хозяинъ доволенъ сработаннымъ, а рабочіе больше довольны самимъ трудомъ, чѣмъ платою. „Такой уже духъ на рабочихъ ударилъ“, говорятъ хозяева и стараются удержатъ этотъ „духъ“, т. е. его творца—рабочаго.

Совершенно противное происходитъ съ лѣнливымъ рабочимъ. Не даромъ говорить пословица: „Хоть три дня не ѣшь, а гляди весело“. Невесело смотрящій работникъ, хоть пусть онъ работаетъ и усердно, для хозяина не имѣетъ никакой цѣны. Самый его видъ, лѣнливыя движенія, его ворчанье дѣлаютъ хозяину большой вредъ, потому что отбиваютъ охоту у другихъ, заражаютъ ихъ лѣнностью, бунтуютъ ихъ. И работа для нихъ тяжела, и пища не вкусна, и время длинно, и хозяинъ злой, и плата низка; а потомъ оказывается, что они и сработали мало и дурно. А что хуже всего, такъ это то, что главный винов-

никъ, ворчунъ, обыкновенно дѣлаетъ видъ, что „моя хата съ краю, я ничего не знаю“.

Вотъ такимъ ворчуномъ въ сельской работѣ и былъ нашъ Иванъ-лѣнтый, и это было причиною того, что его не любили хозяева и неохотно принимали къ себѣ на службу, платили ему меньше, чѣмъ другимъ, а кормили хуже и часто совсѣмъ прогоняли со службы. Но все это не только не исправляло Ивана, а еще больше увеличивало его нелюбовь къ труду, къ людямъ, къ жизни, къ цѣлому свѣту. Работа была для него наихудшею вещью въ мірѣ, наибольшимъ зломъ, которое онъ каждый день и каждый часъ, съ напряженьемъ всѣхъ своихъ силъ, старался побѣдить и никогда не могъ насладиться побѣдою.

II.

Въ одинъ лѣтній день хозяинъ послалъ Ивана въ лѣсъ нарубить сухихъ дровъ, навязать вязанку и принести домой.

Шелъ Иванъ въ лѣсъ съ топоромъ и съ веревкою и безпрестанно ворчалъ и проклиналъ. Пришелъ, сѣлъ на старомъ пнѣ, чтобы немного отдохнуть, но не переставалъ ворчать.

— Господи, — вздохнулъ онъ наконецъ, — чѣмъ виновата душа моя, что ты присудилъ ее къ этой вѣчной каторгѣ? Неужели не смилуешься надо мною, не позволишь мнѣ хоть годъ, хоть мѣсяцъ, хоть одну недѣлю прожить спокойно, счастливо, безъ этого проклятаго труда? Ахъ, и надоѣла же мнѣ эта работа! Ненавижу ее, какъ невольникъ свои цѣпи, но такъ точно, какъ и невольникъ отъ своихъ цѣпей, не могу избавиться отъ нея и на минутку. Даже и во снѣ не забываю о работѣ, не могу разстаться со своимъ мученьемъ. Смилуйся надо мною, Боже! Позволь мнѣ хоть одинъ день, одинъ часъ прожить безъ работы, безъ мысли о ней!

Слова эти, сказанныя громко, странно зазвенѣли въ ушахъ Ивана. Онъ поднялся на ноги и прислушался; ему казалось, что въ звукъ его собственныхъ словъ слышенъ былъ еще какой-то иной, чужой голосъ, острый, сверлящій

его душу и наполняющій ее безпокойствомъ. И вотъ онъ углубилъ свой слухъ въ лѣсную тишину, полную звуковъ, вѣчно живую и движущуюся, какъ волны моря. Но ничего особеннаго не услышалъ. Былъ полдень, солнце горѣло среди безоблачнаго неба. Громадные дубы, ели и березы дремали недвижно надъ головой Ивана, утоая роскошными вершинами въ горячемъ воздухѣ. Въ тѣни ихъ играли миллионы мошекъ и комаровъ, и рои ихъ подымались и опускались, издавая своими маленькими крылышками нѣжный, едва слышный звукъ, какъ бы звукъ какого-то невѣдомаго, чудеснаго музыкальнаго инструмента. Чѣмъ дольше вслушивался Иванъ въ этотъ звукъ надъ своею головою, тѣмъ больше ему казалось, что душа его погружается въ какой-то новый міръ, полупрозрачный, таинственный, близко граничащій съ предыдущей дѣйствительностью, но отъ нея совершенно отличный. Его какъ будто укачивала могучая, теплая, мягкая волна и несла его куда-то, а онъ, любясь, отдавался ей.

Вдругъ какой — то новый, острый и прохватывающій тонъ задрожалъ въ воз-

духѣ. Онѣ поколебалъ предыдущую гармонію, но не разстроилъ ея. Это былъ тонъ также тихій, едва слышный, какъ-будто звенѣла золотая маленькая муха, но какой-то сосредоточенный, заостренный, полный боли и муки, невыразимой мольбы. Иванъ сразу припомнилъ, гдѣ и когда онѣ слыхалъ этотъ тонъ.

О, это было давно! Иванъ еще былъ пастухомъ и вмѣстѣ съ другими ребятами пасъ хозяйскій скотъ въ этомъ самомъ лѣсу. Одинъ разъ товарищъ его Грицко обратилъ его вниманіе на черную блестящую муху, которая вертѣлась вокругъ коровъ, но не садилась на нихъ. Иванъ еще никогда не видалъ такой мухи и слѣдилъ за нею глазами. Грицко также. Потомъ они увидѣли, что муха сѣла на соснѣ, нашла на ея стволѣ маленькую дырочку отъ выгвившаго сучка, залѣзла въ нее и спряталась.

— Ага, здѣсь она! — крикнулъ Грицко, и, нашедши подходящую палочку, онъ заткнулъ ею дырочку. — Слушай, какъ играетъ! — крикнулъ онъ, прислонившись ухомъ къ стволу сосны.

Иванъ съ какой-то тревогой присло-

нился и прислушался. Онъ услыхалъ звукъ такой тихій, тоненькій, жалобный и умоляющій, что все его существо задрожало отъ горести.

— Гриньку, выпусти ее! — крикнулъ онъ.

— Вотъ былъ бы я дуракъ! — отвѣтилъ Грицко. — Хорошо, что я ее имѣю. Пусть играетъ мнѣ!

И, подвигавши затычкой, опять прижался ухомъ къ стволу и радостно прислушивался довольно долго; наконецъ сказалъ:

— Ну, и играетъ же! Ей Богу, хорошо играетъ!

— Пусти ее, Гриньку, — просилъ Иванъ:—мнѣ ее жаль.

— Кого тебѣ жаль? Мухи? Ха-ха-ха! Вотъ важная скотина—муха!

— Но для чего же и муху мучить?

— Какъ для чего? Пусть мнѣ играетъ!

— Пусти ее, Гриньку, я тебѣ скотъ изъ глубокой дебри пригоню.

— Уйди, глупый, чего тебѣ захотѣлось! А скотъ пригнать ты и такъ пойдешь.

Иванъ не спорилъ; онъ зналъ напередъ, что такъ будетъ, а если бы онъ

не хотѣлъ этого исполнить, то старшій пастухъ еще и побьетъ его. Но все-таки попробовалъ противорѣчить съ другой стороны.

— Ну, то я самъ ее выпущу.

— И не думай,—крикнулъ Грицко,—это моя муха! Я ее поймалъ и буду здѣсь держать, пока мнѣ захочется. А если бы ты отважился ее выпустить, то я такой для тебя праздникъ устрою, что тебѣ ничего больше не захочется.

Грицко былъ старше, сильнѣе и смѣлѣе Ивана, а главное, былъ сыномъ богача и могъ досадить Ивану всевозможными способами, лишь бы захотѣлъ. А потому Иванъ не отважился вздорить съ нимъ, тѣмъ болѣе, что Грицко все еще стоялъ у сосны, держалъ рукой затычку и время отъ времени прислушивался къ игрѣ невольницы-мухи.

— Ну, и играетъ же! — радостно говорилъ Грицко. — Я еще никогда не слыхалъ, чтобы муха такъ хорошо играла. Ну-тко, послушай, Иванъ!

Иванъ нѣкоторое время не рѣшался; наконецъ будто что-то толкнуло его къ соснѣ; онъ приложилъ ухо и прислушался. Пискъ не переставалъ прохва-

тывать его дрожью. Глубокое состраданіе наполняло его душу. А когда онъ, наконецъ, оторвался отъ сосны и пошелъ дальше за скотомъ, то этотъ горестный, жалобный звукъ будто догонялъ его, сверлилъ и мучилъ его. Когда наступила ночь, Иванъ долго не могъ заснуть и во снѣ все видѣлъ несчастную муху, заключенную въ деревѣ, слышалъ ея пискъ, но во сто разъ сильнѣйшій, чѣмъ тотъ, который онъ слышалъ днемъ, какъ будто зазываніе вѣтра въ скалистыхъ ущельяхъ или плачъ женщины надъ мертвецомъ.

— Нѣтъ ужъ, будь что будетъ, а завтра я долженъ ее выпустить!—сказалъ себѣ Иванъ.—Какъ только выгоню скотину въ лѣсъ, сейчасъ забѣгу къ той соснѣ и вытащу затычку. Пусть себѣ бѣдная муха летитъ въ свою хату!

Съ такимъ рѣшеніемъ Иванъ заснулъ. Только на другой день не такъ случилось, какъ онъ предполагалъ. Хозяйка немного опоздала проснуться и пока выдоила коровъ, пока Иванъ пригналъ скотъ изъ села въ лѣсъ, солнце уже было довольно высоко. Когда Иванъ подошелъ ко вчерашней соснѣ, то нашелъ

тамъ всѣхъ другихъ пастуховъ. Грицко рассказывалъ имъ о мухѣ, показывалъ затычку, и всѣ, одинъ послѣ другого, прислушивались болѣе или менѣе долго и находили, что „славно бестія играетъ“.

— Ага! вотъ идетъ Иванъ-лѣнтяй! — крикнулъ одинъ пастухъ, увидѣвши Ивана.

— И, по обыкновенію, послѣднимъ приплелся, — добавилъ другой.

— А знаете ли, — сказалъ Грицко, — онъ вчера едва не плакалъ за этой мухой.

— Какъ это за мухой? — спросили всѣ.

— Ну, такъ. Ради милостиваго Бога просилъ меня выпустить ее.

— Зачѣмъ же это?

— Кто его знаетъ. Говорилъ, что ему ее очень жаль.

— Жаль ему мухи! Ха-ха-ха! Мушиный тятя! Мушиный тятя! — смѣялись пастухи, прыгая вокругъ Ивана и толкая его со всѣхъ сторонъ.

— Э, не трогайте его! — сказалъ одинъ.
— Можетъ, это его мать или бабка-вѣдь-

ма по смерти обернулась мухой, и потому онъ такъ за нее просить.

Ребята какъ-то странно переглянулись между собой послѣ этихъ словъ. Неловко имъ стало, замолчали. Наконецъ, старшій пастухъ, парень лѣтъ двадцати, сказалъ:

— Что вы, дурни, выдумываете глупости! Маршъ за скотомъ! А если Грицко поймалъ себѣ муху и желаетъ ее здѣсь для музыки держать, то пусть никто не осмѣлится ее выпускать. Поняли?

Семь дней происходила эта музыка; семь дней заключенная муха звучала въ деревѣ. Иванъ самъ не зналъ, что происходило съ нимъ въ теченіе этихъ семи дней. Муха въ соснѣ не выходила изъ его головы. Если онъ ѣлъ, то сейчасъ припоминалъ: „А муха тамъ звучить, пищить и погибаетъ отъ голода!“ Когда ложился спать, думалось ему: „А муха тамъ не имѣетъ отдыха, все пищить“. Когда просыпался, первая его мысль была: „А муха тамъ пищить во мракѣ, не видитъ солнышка, въ лучахъ котораго такъ блестѣли ея крылышки!“

И хотя ему часто приходилось бывать у той сосны, но всегда онъ заставлялъ тамъ кого-нибудь изъ пастуховъ, слушающихъ „музыку“. Иногда онъ и самъ прислонялся ухомъ къ соснѣ и каждый разъ получалъ такое же сильное и потрясающее впечатлѣніе, какъ и въ первый разъ. Можетъ-быть, что въ его памяти застѣли слова пастуха о томъ, что эта муха есть его мать или бабка, превращенная въ наказаніе въ муху; иначе гдѣ бы у него бралось столько жалости, когда всѣ другіе только наслаждались „музыкой“.

А звукъ въ соснѣ съ каждымъ днемъ былъ все слабѣе. На седьмой день, когда Иванъ, наконецъ, первымъ прибылъ въ лѣсъ и никого не засталъ у сосны, онъ отважился вытащить проклятую затычку, чтобы выпустить муху на волю. Но муха не показывалась изъ дырки. Прислонилъ ухо къ соснѣ, — ничего не слышать. Потрогалъ тоненькой палочкой въ глубинѣ, но ничего не шевелилось. Онъ опять вложилъ прежнюю затычку, чтобы никто не сказалъ, что онъ выпустилъ муху. Еще разъ послушалъ, — слушалъ очень внимательно, но звука не слышно

было. Очевидно, муха околѣла отъ голода и страданія.

И теперь вдругъ, черезъ четырнадцать лѣтъ, въ уши его врѣзался этотъ самый звукъ какъ острия иглы, тотъ самый звукъ, который онъ слыхалъ въ теченіе семи дней въ соснѣ. Онъ вздрогнулъ и оглянулся вокругъ. Боже, возможно ли это? Онъ находился какъ разъ возлѣ той самой сосны, въ которой, четырнадцать лѣтъ назадъ, его пустой товарищъ Грицко заключилъ несчастную муху. Болѣе того, въ стволѣ сосны торчалъ до сихъ поръ тотъ самый колышекъ, которымъ когда-то Грицко приткнулъ муху къ дырочкѣ. А этотъ тоненькій звукъ, откуда онъ раздавался? Иванъ быстро подскочилъ къ соснѣ, приложился ухомъ и—чуть не обомлѣлъ. Жалобный, болѣзненный и насквозь прошибающій звукъ дѣйствительно слышенъ былъ изъ этой щели, заткнутой колышкомъ.

Однимъ движеніемъ Иванъ вытащилъ затычку.

Тяжелый вздохъ пошелъ по всему лѣсу и звучнымъ эхомъ отозвался въ душѣ Ивана. Потомъ—минута мертвой тишины. Потомъ что-то тихонько зашелестѣло

Львів. Бібліотека

АН. УРСР

247-05 Ж

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА

АН УРСР

№ 31 773

въ щели дерева, и изъ нея постепенно стало что-то высовываться. Иванъ съ несказаннымъ чувствомъ жалости и участія смотрѣлъ въ эту черную точку, въ которой, казалось, онъ узнавалъ черныя лапки и черную блестящую муху. Однако, муха ли это? Черныя лапки, когда онъ ближе всмотрѣлся, казались ему почернѣвшими костлявыми руками, похожими на человѣческія; и голова начала пріобрѣтать подобіе человѣческой, увеличиваться, перемѣнять видъ и окраску. Иванъ остолбенѣлъ отъ испуга и закрылъ лицо руками. А когда черезъ минуту открылъ лицо, то передъ нимъ стоялъ старикъ съ длинной бородой, согбенный, съ лицомъ, выражавшимъ утомленіе и слабость, въ необыкновенной, странной одеждѣ не то пустытника, не то сумасшедшаго.

III.

— Всякое дыханіе да хвалить Господа! — крикнулъ перепуганный Иванъ.

Старикъ протянулъ Ивану обѣ руки.

— И я хвалю, сынокъ, и я хвалю, —

сказалъ онъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ.— Охъ, спасибо тебѣ, сынокъ, сторицею спасибо, что ты освободилъ меня изъ этой страшной темницы!

— Такъ... это... вы были, дѣдушка?— пробормоталъ Иванъ, не зная, что сказать и съ кѣмъ онъ говорить.— А я думалъ, что это муха.

— Ой, муха, сынокъ, муха! Врагъ мой лихой обернулъ меня въ муху и гонялся за мною въ видѣ черной птицы, а когда я спрятался отъ него въ эту щель, онъ шепнулъ тому дурному мальчику, чтобы меня приткнулъ колышкомъ. Ой, да и натерпѣлся же я, натерпѣлся, Боже мой единый!

— Но кто же вы такой, дѣдушка?— спросилъ Иванъ.

— Я, сыночекъ, дѣдъ Бескидскій *). Можетъ, слыхалъ когда что-нибудь обо мнѣ?

— Бескидскій дѣдъ? Тотъ самый, о которомъ на вечерницахъ сказки рассказываютъ?

— Тотъ самый.

*) Бескиды—горы въ Прикарпатской Руси, въ Австріи.
(Перевод.).

— О которомъ говорятъ, что подъ землей живетъ и клады Довбуша*) сторожить.

— Тотъ самый.

— А правда ли, дѣдушка, что этихъ кладовъ такъ много, что и на двадцать-четыре воза ихъ не заберешь?

— Далеко больше, сыночекъ.

— А правда ли это, что на Черной горѣ**) перевернули вверхъ дномъ тотъ камень, на которомъ Довбушъ выковалъ крестъ на память, что подъ этимъ камнемъ есть входъ въ пещеры съ его кладами, такъ что теперь никто не можетъ найти ни этого входа ни этого камня?

— Правда, сыночекъ, правда; потрудился я-таки при той тяжелой работѣ, даже въ спинѣ треснуло, такъ что я съ той поры не могу выпрямиться.

— Такъ вамъ и надо!—воскликнулъ Иванъ. — Не нужно было присваивать чужіе клады, которые могли бы выручить не одного бѣдняка.

*) Довбушъ былъ славный вождь народнаго возстанія въ Прикарпатской Руси.

**) Черная гора—въ Карпатахъ.

(Перевод.).

Дѣдъ долгимъ, грустнымъ взглядомъ измѣрилъ Ивана.

— Эй, сыночекъ, сыночекъ,—сказалъ онъ,—какой же ты еще ребенокъ!

— Хорошо вамъ говорить—ребенокъ! —обидчиво сказалъ Иванъ.—А вотъ если бы вамъ пришлось, какъ мнѣ, горевать и переносить всякія обиды за каждый кусокъ хлѣба, то, вѣрно, вы другое запѣли бы.

Дѣдъ ничего на это не возразилъ, только грустно качалъ головою.

— Но кто же этотъ вашъ врагъ, что загналъ васъ въ эту щель?

— Онъ—старшій упырь и колдунъ изъ Бусовищъ. Былъ издавна золь на меня еще изъ-за покойницы моей жены.

— Развѣ вы и жену имѣли? —спросилъ Иванъ.

— Какъ же, сынокъ, имѣлъ. И оставила мнѣ однимъ—одно дитя, дочечку. Господи, что съ нею дѣлается? Четырнадцать лѣтъ, какъ я ее оставилъ, еще въ люлькѣ, маленькую; только мой слуга, старый слѣпой Віюкъ, остался при ней. Четырнадцать лѣтъ я промучился въ той проклятой щели, тоскуя не столько о свободѣ, о лѣсахъ, о горахъ, сколько

о моемъ любимомъ дитяти. Ахъ, сыночекъ, сколько я натерпѣлся за эти четырнадцать лѣтъ, сколько натерпѣлся! Но, слава Господу Богу, теперь все прошло, теперь я свободенъ. Ты, сыночекъ, освободилъ меня, и я отблагодарю тебя. Иди со мной къ моему жилищу. Веди меня, потому что я такъ измученъ и слабъ, что не знаю, доплелся ли бы я домой.

— А далеко вашъ домъ?

— Домъ, сыночекъ, у меня обширный. Только бы добратся намъ до перваго входа, а тамъ я ужъ знаю, что дѣлать.

— Хорошо, пойдемъ, — сказалъ Иванъ.

Дѣдъ ступилъ шага два, но сейчасъ же долженъ былъ присѣсть на пнѣ.

— Нѣтъ, сыночекъ, — сказалъ онъ, — не могу я итти. Я долженъ еще разъ просить тебя объ услугѣ. Возьми меня къ себѣ на плечи, понеси старика; не пожалѣешь, что потрудился.

Какъ ни былъ лѣнивъ Иванъ, но на этотъ разъ онъ не заставилъ себя долго просить и взвалилъ дѣда на плечи. Старикъ былъ легонекъ какъ перышко, такъ что Иванъ не ощущалъ даже тя-

жести отъ него и шелъ совсѣмъ свободно.

— Вонъ туда, сыночекъ, вонъ туда,—сказалъ дѣдъ, указывая на заросшую едва замѣтную лѣсную тропинку, которая вела на гору и терялась въ заросляхъ.

IV.

Сразу Иванъ несъ дѣда на плечахъ охотно и не слыжалъ никакой тяжести. Тропинка, сначала довольно неудобная, дальше пошла по ровному, а далѣе спустилась внизъ. Но когда потомъ пришлось опять пробираться на гору, когда Иванъ нѣсколько разъ остутился, когда буковыя вѣтви нѣсколько разъ ударили его по лицу,—въ немъ проснулась старая натура, и онъ началъ ворчать. Сразу тихо, а чѣмъ дальше—все громче.

— Что я—дуракъ, такъ этого развѣ слѣпой не увидитъ!.. А, чтобъ тебя, проклятый пенъ,—едва человѣкъ не упалъ!.. Чортъ ли меня заставилъ лѣзть на такую-то лысую гору!

Такія и подобныя выраженія время отъ времени вылетали изъ устъ Ивана;

при этомъ онъ съ силою сплевывалъ и слабодушно вздыхалъ и охалъ.

Дѣдъ тѣмъ временемъ спокойно сидѣлъ у него на плечахъ, свѣсивши обѣ ноги ему на грудь и, казалось, совсѣмъ не слышалъ ворчанья Ивана. Но все-таки, странная вещь: съ того времени, какъ Иванъ началъ свою воркотню, онъ слышалъ на себѣ тяжесть. Сразу тяжесть была не велика, но, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось недовольство Ивана, тяжесть ноши увеличивалась. Сначала Ивану казалось, что онъ несетъ за спиною топоръ; потомъ тяжесть была равна баклагѣ водки; затѣмъ уже казалось, что за спиною—вязанка дровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что путь продолжается слишкомъ ужъ долго. Слышалъ, что потъ обливалъ его лицо и въ груди дыханье спирается. Ворчанье превратилось въ громкіе упреки:

— Ахъ, проклятая моя судьба!—жаловался Иванъ, тяжело ступая по торчащимъ камнямъ.—Когда же ты перестанешь насмѣхаться надо мною? Думалъ человѣкъ отдохнуть немножко въ лѣсу, такъ гдѣ тамъ ужъ? Искусилъ меня нечистый, чтобы я вытащилъ колы-

шекъ и выпустилъ это старое страшилище; а теперь и тащи его на плечахъ и чортъ знаетъ куда! Да и тяжелы же его старыя кости, Господи! Какъ цѣлая гора у меня на плечахъ!

И дѣйствительно, тяжесть на плечахъ Ивана все увеличивалась. Онъ чувствовалъ, что весь нагибается подъ этой тяжестью, что его колѣни дрожатъ, въ глазахъ темнѣетъ, что онъ весь млѣетъ. Ему казалось, что онъ не выдержитъ больше, скоро упадетъ совсѣмъ. Хотѣлъ остановиться, отдохнуть, но какая-то невидимая сила не только не позволяла ему упасть, но даже не давала остановиться на одномъ мѣстѣ. И онъ шелъ все дальше.

— Дѣдъ, эй, дѣдъ!—стоналъ Иванъ, уже не на шутку изнемогая.

— А что тебѣ, сыночекъ?—спросилъ дѣдъ.

— Какого чорта ты такой тяжелый?

— Я, сыночекъ?—привѣтливо сказалъ дѣдъ.—Это тебѣ снится, сыночекъ. Гдѣ же во мнѣ взяться тяжести послѣ четырнадцати лѣтъ неволи?

— Какъ это снится мнѣ?—пробормо-

талъ Иванъ.—Вѣдь я уже совсѣмъ погибаю, падаю подъ твоей тяжестью!

— Не бойся, голубчикъ, — спокойно сказалъ дѣдъ: — это тебѣ такъ только кажется.

— Что же, ты еще насмѣхаешься надо мною, старій костогрызъ? — силился крикнуть, но только пропищалъ Иванъ.— Нѣтъ, не хочу больше тебя тащить. Слѣзай!

— Иди, иди, душенька, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ сказалъ дѣдъ.

И Иванъ, дѣйствительно, шелъ, хотъ и усталъ и не хотѣлъ итти. Онъ пробирался все на гору, и гора казалась ему безконечно-высокою и крутою.

— Но я не хочу итти! Не хочу тащить тебя! — пищалъ Иванъ. — У меня грудь разрывается отъ напряженія!

— Не бойся, не разорвется, — утѣшалъ его дѣдъ.

— Но я не хочу, не хочу! Слѣзай съ меня, чортъ! — просилъ и злился Иванъ.

— Но, сыночекъ, ты же далъ мнѣ слово. Да и плату имѣешь получить.

— Пусть тебя громы побьютъ съ твоею платою! Ничего не хочу, только слѣзъ. Дай мнѣ хоть минуту отдыха!

— Иди, иди, сынокъ, — молвилъ дѣдъ: — уже недалеко.

Иванъ злился и страдалъ. Тяжесть на его хребтѣ была ужасная. Глаза ему выпирало, кровь въ жилахъ стучала такъ сильно, что, казалось, вотъ-вотъ лопнуть жилы, разорвется сердце. Дѣдовы ноги, охватывавшія его подъ мышки, жгли его какъ горячее желѣзо. Непріятность положенія ухудшалась еще сознаніемъ того, что онъ не можетъ избавиться отъ этой тяжести; онъ признавалъ себя уже не самостоятельнымъ существомъ, не работникомъ, который можетъ работать, можетъ и отдыхать, смотря по желанію, не свободно дѣйствующею рабочею силою, которая сознательно распоряжается своими движеніями; онъ чувствовалъ себя въ положеніи зерна, которое, попавши между жернововъ, выдѣлываетъ, правда, всякія быстрыя, но невольныя движенія и, вмѣстѣ съ каждымъ движеніемъ, теряетъ частицу самого себя. Иванъ всю свою жизнь чувствовалъ себя невольникомъ труда, но никогда еще это чувство не было такъ сильно, такъ болѣзненно и надоѣдливо, такъ полно отравы и отчая-

нія, какъ въ эти минуты, — минуты величайшаго утомленія, какое онъ только зналъ въ жизни. Умереть совершенно, моментально исчезнуть изъ ряда живыхъ существъ казалось ему теперь наивысшимъ желаніемъ, наибольшимъ счастіемъ. Избавиться отъ жизни, — вѣдь это значитъ избавиться отъ труда, вырваться изъ оковъ этого неумолимаго тирана — работы, которая отъ самой ранней его молодости наложила на него свою тяжелую руку. Смерть — это единственный выходъ для такихъ несчастныхъ, какъ онъ; это — отдыхъ, это — свобода!..

Онъ шелъ со своею ношею по краю очень глубокаго оврага. Въ глубинѣ его стояли сумерки, клубились бурые туманы. Величайшія сосны, росшія въ глубинѣ оврага, сверху казались Ивану не больше кустарника. Прямо противъ ногъ Ивана, но, быть-можетъ, саженой на сто ниже, выдвигалась острая голая скала.

— Хорошо же, проклятое страшилище, — ворчалъ Иванъ. — Не хочешь ты меня пустить, то и я тебя не пущу!

И, охвативши со всей силы обѣими

руками ноги дѣда, Иванъ однимъ порывистымъ движеніемъ прыгнулъ въ сторону съ тропинки и полетѣлъ въ бездну.

V.

— Ну, ну, ну, ну! — сказалъ дѣдъ и въ первый разъ засмѣялся тихимъ, сердечнымъ смѣхомъ.

Иванъ открылъ глаза. Что случилось? Гдѣ онъ теперь?

Онъ увидѣлъ себя на каменной площадкѣ, у входа въ тѣсную каменную пещеру. Скала, которую онъ видѣлъ сверху, заслоняла видъ на оврагъ и на сосѣднія горы.

— Ахъ, и горячъ же ты, парень! У, какой горячій! — сказалъ, усмѣхаясь, дѣдъ. — Только-что я хотѣлъ просить тебя своротить съ тропинки вправо, а ты ужъ и самъ туда рванулъ.

Неожиданно Иванъ почувствовалъ, какъ жаръ стыда прохватываетъ все его тѣло. Онъ еще не могъ вполне притти въ себя. Чувствовалъ себя настолько не сходно съ тѣмъ, что былъ за мину-

ту раньше, что это предыдущее казалось ему теперь неправдоподобнымъ, сказочнымъ. Вѣдь онъ бросился въ пропасть! Что же это съ нимъ дѣлается? Онъ попробовалъ двигаться, думая, что это ему снится и что онъ, можетъ, лежитъ обомлѣвшій на днѣ пропасти. Но нѣтъ: онъ былъ здоровъ, цѣлъ, не спалъ и не ощущалъ ни слѣда того утомленія, которое за минуту доводило его до отчаянія. Напротивъ, онъ чувствовалъ себя здоровымъ, крѣпкимъ и совершенно свободнымъ.

Ему стыдно было теперь смотрѣть на дѣда, который уже не сидѣлъ у него на спинѣ, а стоялъ подлѣ него, искалъ чего-то въ скалѣ и время отъ времени обращалъ на него смѣющійся взглядъ.

— А что, сынокъ, — сказалъ дѣдъ, угадывая его мысли, — не говорилъ я тебѣ, что это тебѣ только кажется, когда ты мнѣ рассказывалъ чудеса о моей тяжести? Эхъ, парень, парень!..

Дѣдъ покачалъ головой, какъ бы желая этимъ показать, что имѣлъ бы еще кое-что сказать, но считаетъ нужнымъ удержать это про себя.

— А чего же это мнѣ такъ казалось?—спросилъ Иванъ.

— Сказать тебѣ по правдѣ, такъ тебѣ не очень и казалось. Есть въ тебѣ нѣчто слабое, но не тѣло. Тѣло, сыночекъ, имѣешь сильное и здоровое, что и говорить. Но воля у тебя больна. А ты знаешь, что старые люди говорятъ: если кто не хочетъ, то хуже, чѣмъ не можетъ.

Дѣдъ говорилъ это такъ добродушно, что Ивану и въ голову не приходило обижаться, хотя сельскихъ хозяевъ, не разъ говорившихъ ему подобное, онъ ненавидѣлъ и считалъ своими наибольшими врагами и притѣснителями. Тѣмъ временемъ дѣдъ отвернулъ своими костлявыми руками камень и досталъ изъ щели большой золотой ключъ, осмотрѣлъ его внимательно, какъ стараго знакомаго и, видимо, обрадовался какъ дитя. Онъ полѣзъ въ темную глубину пещеры, гдѣ находилась потаенная дверь.

— Иди за мной, сыночекъ,—сказалъ онъ Ивану.—Вступи въ мою хату, будешь у меня гостемъ. И поговоримъ, если хочешь.

Дѣдъ отперъ дверь, за которой показался длинный, темный, узкій коридоръ, выдолбленный въ скалѣ. Этимъ коридоромъ оба они шли долго, очень долго, какъ казалось Ивану. Этого времени достаточно было для того, чтобы веселое и бодрое настроеніе Ивана смѣнилось опять недовольствомъ. Иванъ уже началъ ворчать и спрашивать себя, какой чортъ присовѣтовалъ ему лазить по какимъ-то мышинымъ норамъ, изъ которыхъ, можетъ, и выхода совсѣмъ нѣтъ. Но вотъ дѣдъ остановился, зазвенѣлъ ключомъ и отворилъ вторую дверь.

Пріятный зеленоватый, но не рѣзкій свѣтъ ударилъ въ глаза Ивану. Ступивши еще нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ себя въ громадной каменной свѣтлицѣ, пышно украшенной всякою чудесною рѣзьбою, блестящимъ хрусталемъ, обвѣшанной нитками золота, выстланной пластинками чистаго серебра. Вся мебель въ этой свѣтлицѣ была изъ гнутыхъ на разные лады прутьевъ желѣза и серебра; вездѣ лежали плиты прозрачнаго горнаго хрусталя или фіолетоваго аметиста. По угламъ били

фонтаны, освѣжая воздухъ, а посрединѣ въ искусной посудинѣ горѣла благовонная смола и можжевеловыя ягоды, разливая свѣжій запахъ рощъ и луговъ.

Дѣдъ приблизился къ одному изъ столовъ и три раза ударилъ ключомъ о хрустальную плиту.

— Віюкъ!—крикнулъ онъ, и голосъ его, такой тихій, едва слышный на поверхности, здѣсь, въ подземельи, былъ подобенъ звуку могучаго водопада и вызвалъ стократный отзвукъ гдѣ-то далеко, въ безконечныхъ подземныхъ проходахъ.

Еще не успѣлъ затихнуть вдали этотъ отзвукъ, какъ послышался шумъ, какъ будто шаги громадной стопы. Шумъ этотъ мѣрно повторялся, постепенно приближаясь, и, наконецъ, Иванъ увидѣлъ, какъ изъ полумрака дальней пещеры показалась какая-то фигура, величавая, похожая на деревянную колоду съ неровною корою, съ узловатыми корнями и кривыми сучьями. Это былъ Віюкъ, неизмѣнный слуга дѣда, сторожъ и опекунъ Бескидскихъ лѣсовъ, о которомъ Иванъ еще въ дѣтствѣ

много наслушался въ сказкахъ. Едва-едва въ этой колодѣ сумѣлъ Иванъ различить громадную голову, обросшую комьями сухого мха и корявыми грибами вмѣсто волосъ. Глазъ нельзя было замѣтить, потому что они были завѣшаны большими вѣками изъ толстой коры. Сучья и корни — это были его руки и ноги.

— Кто меня звалъ? — гробовымъ, глухимъ голосомъ спросилъ Віюкъ, приближаясь къ дѣду.

— Это я, Віюкъ, — сказалъ дѣдъ.

— Господинъ мой, — крикнулъ Віюкъ, — это ты! Можетъ ли это быть? Дай мнѣ прикоснуться къ твоей рукѣ.

Дѣдъ подалъ ему руку, и Віюкъ, прикоснувшись къ ней, вдругъ рухнулъ передъ дѣдомъ на землю; тяжелое, глубокое всхлипыванье потрясло все его безобразное тѣло.

— Бѣдный мой господинъ! — плакалъ онъ. — Гдѣ же ты былъ такъ долго?

— Объ этомъ послѣ поговоримъ, Віюкъ, — сказалъ дѣдъ. — А теперь скажи мнѣ, что дѣлается съ моей дочерью?

— Дочь твоя здорова, выросла уже большая, только все плачетъ о тебѣ.

Мы уже думали, что ты никогда не воротишься.

— Иди, Віюкѣ, позови мнѣ ее сюда.

— Сюда? Но, господинѣ, я слышу, что здѣсь есть еще кто-то, кромѣ тебя, какая-то „сырая душа“. А ты знаешь, что твоя дочь не смѣетъ видѣть сырой души.

— Не бойся, Віюкѣ,—отвѣтилъ дѣдѣ: —я это знаю. Но знай, что сырая душа, о которой говоришь, это тотъ милосердный человекѣ, который освободилъ меня изъ тяжелой неволи. Я ему обязанъ благодарностью, и хочу отблагодарить. Иди только, иди за моимъ дитятей. Пока оба возвратитесь сюда, этого человекѣ уже здѣсь не будетъ.

Віюкѣ, тяжело ступая, направился въ дальнюю пещеру и скоро скрылся во мракѣ.

VI.

По уходѣ Віюка дѣдѣ обратился къ Ивану.

— Ну, что же, сынокѣ, пора тебѣ до-

мой. Скажи же мнѣ, чѣмъ могу тебя отблагодарить?

Иванъ мялъ шапку въ рукахъ и ничего не отвѣчалъ. Дѣдъ посмотрѣлъ на него долгимъ, проницательнымъ взглядомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Слушай, Иванъ! Слышалъ я твои упреки несчастной судьбѣ твоей, тяжелой неволѣ, которую терпишь. Ты освободилъ меня изъ неволи, а потому справедливость требуетъ, чтобы и я освободилъ тебя отъ твоей неволи. Скажи же мнѣ, чего бы ты больше всего желалъ въ жизни?

Иванъ широко усмѣхнулся, показывая два ряда бѣлыхъ здоровыхъ зубовъ.

— Чего же мнѣ, дѣдушка, больше желать, какъ не того, чего желаетъ всякій убогій человѣкъ? Чтобы я не былъ бѣденъ, чтобы не долженъ былъ заботиться о томъ, что буду завтра ѣсть, во что одѣнусь, гдѣ буду спать. Чтобы могъ хоть на минуту отдохнуть отъ тяжелой непрерывной работы.

— Такъ тебѣ очень надоѣла работа?

— Ой, дѣдушка, такъ надоѣла, такъ надоѣла, что и сказать не могу. Ненавижу ее всей душою. Да и за что же

я могъ бы ее любить? Посмотрите на мои руки, на мои ноги, на мои плечи. Какъ только я на свѣтъ родился, все работаю, тружусь какъ скотина. А что я имѣю отъ этой работы?

Задумался дѣдъ.

— Тяжело твое положеніе, сыночекъ, и я не знаю, чѣмъ тебѣ лучше помочь. Далъ бы я тебѣ денегъ,—у меня этого добра не покупать-стать,—такъ ты вѣдь знаешь, братъ, деньги какъ вода, не всякій сумѣетъ удержать ихъ въ рукахъ. Деньги къ деньгамъ идутъ, и скоро разные жиды, крещеные и некрещеные, привели бы тебя въ то самое положеніе, въ какомъ теперь находишься.

— Ну... однако... можетъ-быть, я... какъ-нибудь... — пробормоталъ Иванъ, почесывая затылокъ.

— Нѣтъ, парень, нѣтъ! — отвѣтилъ дѣдъ.— Ты лишь распьянствовался бы, опустился бы—и только. Не только бы денегъ у себя не удержалъ, но и самъ пропалъ бы; знаю я это хорошо. А я не хочу, сыночекъ, чтобы ты меня потомъ проклиналъ.

— Ей Богу не буду! — поспѣшно кривнулъ Иванъ.

Усмѣхнулся дѣдъ добродушно, но сейчасъ же опять сталъ серіозенъ.

— Ты, парень, не думай, что я для тебя жалѣю золота. Смотри сюда. — И дѣдъ показалъ въ одномъ изъ угловъ кучу металла, который горѣлъ какъ горящіе уголья. — Я могъ бы тебѣ позволить набрать себѣ изъ этой кучи столько, сколько бы ты могъ поднять. Но вѣрь мнѣ, я хорошо знаю, — это была бы лихая плата за твою услугу. Дамъ тебѣ нѣчто лучшее, такое, что замѣнитъ тебѣ всякія деньги и богатства и вмѣстѣ освободитъ тебя отъ той неволи, которую такъ ненавидишь, — отъ труда.

— Ой! — радостно воскликнулъ Иванъ.

— И вмѣстѣ нѣчто такое, — говорилъ далѣе дѣдъ, — чего у тебя никто не отыметъ, на что никто не позавидуетъ, чего никогда не потеряешь. Вотъ бери!

И дѣдъ взялъ со стола лежавшій на немъ простой грубый перстень, какой жиды продаютъ сельскимъ парнямъ по три копейки.

Иванъ выпялилъ глаза на дѣда, какъ

бы желая этимъ сказать: такъ вотъ это имѣеть быть болѣе цѣннымъ подаркомъ, чѣмъ куча золота.

— Возьми, сынокъ,—сказалъ дѣдъ,—и не суди объ этой вещи по ея внѣшнему виду. Некрасива она,—правда; но она есть наидѣшнѣйшая вещь изъ всѣхъ, какія имѣю. Этотъ перстень чудесный. Кто его носитъ, тотъ никогда ни о чемъ не печалится, сбываются всѣ его замыслы, всѣ желанія. Все, чего онъ хочетъ, все будетъ имѣть безъ труда.

— Можетъ ли это быть!—крикнулъ Иванъ и протянулъ руку къ перстню.

— Не думай, что я хочу тебя надуть,—сказалъ дѣдъ, подавая ему безцѣнный перстень.—Скоро увидишь, что говорю правду. Впрочемъ, если бы тебѣ когда-нибудь мой подарокъ не понравился, можешь возвратить его мнѣ. Приди только въ лѣсъ, къ тому мѣсту, гдѣ ты освободилъ меня, и три раза позови: „Дѣдъ!“ и ударь палкою по дереву,—я сейчасъ явлюсь къ тебѣ.

— О, я полагаю, что мнѣ не придется васъ беспокоить, если только правда тому, что вы сказали,—воскликнулъ на радостяхъ Иванъ.

— Не имѣю обычая врать, — сурово отвѣтилъ дѣдъ. — Но еще разъ говорю тебѣ: если тебѣ мой подарокъ не понравится, приди и вызови меня, — я возьму его обратно. Ни во чьи больше руки, кромѣ твоихъ, онъ не пойдетъ, и никому, кромѣ тебя, служить не будетъ, — помни это. А если возвратишь его мнѣ, то я взамѣнъ его дамъ тебѣ какой-либо иной подарокъ, какой самъ выберешь. Ну, теперь иди и будь здоровъ!

Черезъ нѣсколько мгновений Иванъ былъ уже на поверхности земли.

VII.

Очутившись среди простора и свѣта, Иванъ былъ не на шутку удивленъ. Когда недавно передъ этимъ онъ шелъ по этой мѣстности съ дѣдомъ, то ему казалось, что онъ находится Богъ знаетъ гдѣ, среди величайшихъ скалъ, едва не достающихъ неба, и глубокихъ бездонныхъ пропастей. А теперь онъ увидалъ себя въ мѣстности, хорошо ему знакомой, гдѣ лѣсъ былъ не густъ,

горы не высоки, и овраги не глубже обыкновенныхъ горныхъ проваловъ. Сообразилъ, что находится недалеко отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ, вышедши въ лѣсъ, и гдѣ оставилъ топоръ. Туда онъ и направилъ свои шаги.

Онъ шелъ и не могъ хорошо понять всего того, что съ нимъ случилось. Чувствовалъ лишь себя очень удовлетвореннымъ, спокойнымъ и увѣреннымъ. Одно только помнилъ, что можетъ желать чего угодно, и все исполнится по его желанію. Но не зналъ, чего бы ему пожелать въ настоящую минуту. Первое, что вспомнилъ онъ, были топоръ и дрова.

„Вотъ если бы, — подумалъ Иванъ, — пока я приду, топоръ былъ такъ уменъ, что самъ дровъ нарубилъ, а хозяинъ чтобы съ ума снятилъ и выѣхалъ сюда съ возомъ за дровами, — вотъ это хорошо было бы“.

Въ этотъ моментъ Иванъ, дѣйствительно, услышалъ въ лѣсу такой страшный стукъ и трескъ сучьевъ, какъ будто разомъ рубило сто топоровъ. Почти одновременно послышался стукъ подъѣзжавшаго воза по неровной лѣсной

дорожикѣ. Пока Иванъ пришелъ къ мѣсту, хозяинъ уже оканчивалъ складывать на возъ сухія дрова. Дровъ было много, и хозяинъ былъ очень доволенъ.

— Хорошо ты сдѣлалъ, — сказалъ онъ Ивану, — что такъ распорядился. Только что мы окончили въ полѣ работу, какъ прибѣжалъ посланный тобою мальчикъ. „Просилъ Иванъ, — говорить, — чтобы вы ѣхали въ лѣсъ: онъ нарубилъ много дровъ, а лѣсничій послѣ обѣда поѣхалъ въ городъ и, по ошибкѣ, оставилъ отворенною лѣсную заставу“. Но ты, небось, усердствовалъ, коли за полчаса успѣлъ нарубить и насобирать такую громадную кучу. Другой разъ этого за цѣлый день два батрака не сдѣлали бы. Я и не думалъ, что ты такой работникъ. Знаешь ли, этихъ дровъ намъ хватитъ до самой глубокой осени.

Иванъ слушалъ эти похвалы, и хотя не удивлялся, зная, какъ все это случилось, но ему стало какъ будто стыдно. А потому онъ кинулся помогать хозяину складывать дрова на возъ, — но гдѣ тамъ! Все, къ чему онъ только прикасался, летѣло само изъ его рукъ

и укладывалось на возу, гдѣ было нужно, укладывалось гораздо лучше и плотнѣе, нежели его уложилъ бы Иванъ. Хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, помочь хозяину увязать кладъ веревкою, но лишь онъ взялся за веревку, — возъ затрепалъ и черезъ мгновенье былъ втянутъ такъ, какъ будто его втягивали десять молодцовъ. Возъ былъ готовъ. Хозяинъ запрягалъ лошадей. Двинулись.

— Ой, Иванъ! — крикнулъ испуганный хозяинъ, взглянувши на огромный возъ дровъ, противъ котораго бѣдныя мужицкія лошадки высматривали какъ мыши. — Что же это мы дѣлаемъ! Такой тяжести мы не доведемъ. Попортимъ лошадокъ. Куда же имъ дотянуть такую тяжесть, да еще и на гору!

— Э, ничего, — сказалъ Иванъ: — поможемъ имъ, какъ-нибудь доведемъ.

И, приблизившись къ телѣгѣ, онъ взялся за уголь ея. Лошади, которыя передъ тѣмъ едва могли двинуть возъ съ мѣста, теперь пошли совсѣмъ свободно, какъ съ возомъ-порожнякомъ.

— Ну, и работникъ же ты, Иванъ! — весело сказалъ хозяинъ, когда скоро по прїѣздѣ домой дрова были не толь-

ко свалены съ воза, но и порубаны, поколоты и сложены подъ навѣсомъ.

Въ первый разъ съ незапамятнаго времени хозяинъ позвалъ Ивана въ кладовую и угостилъ его водкою, пшеничнымъ хлѣбомъ и сыромъ.

VIII.

Слава Ивана, какъ „чудеснаго“ работника, скоро распространилась по всему селу. Особенно хозяинъ, отъ котораго раньше Иванъ не слыхалъ и добраго слова, трубилъ теперь объ Иванѣ во всѣ стороны.

— Что у него за сила! Что за проворство! Нѣтъ, такого работника я еще не видалъ, сколько живу. И все одинъ!

— Что жъ, не удивительно, — шутили богачи: — такой лѣнтяй за столько лѣтъ собралъ много силы, потому и имѣеть ее. Интересно только, что это ему пришло въ голову, что онъ такъ усердно принялся за работу? Впрочемъ, этой охоты у него, навѣрное, надолго не хватитъ.

Но, не взирая на эти насмѣшки, каждый богачъ желалъ имѣть Ивана у себя батракомъ. Вотъ и начали они тайкомъ, наперебой, чествовать Ивана, угощать водкой и просить, чтобы бросилъ своего хозяина.

— Развѣ онъ стоитъ хоть одного твоего мизинца?—говорили ему.—И что ты у него выслужишь? Ходи ко мнѣ, я тебѣ дамъ сорокъ рублей въ годъ, одежду, какую Богъ послалъ, пищу, какую самъ ѣмъ, и работы тяжелой тебѣ не будетъ.

Иванъ лишь бормоталъ иногда на это: „н-ну“, „да“ или „увидимъ“, пилъ, закусывалъ и, ни о чемъ не заботясь, ходилъ какъ волъ по просторному скотному двору. Трудъ какъ обязанность, какъ тяжелое ярмо, пересталъ для него существовать. Мысли, прикованные раньше къ труду, теперь освободились и попали во временный застой, будто заснули, чтобы, освободившись, набраться новой силы и самостоятельности. Желанія Ивана не могли еще вырваться изъ круга батрацкой жизни, изъ границъ родного села.

„Вотъ если бы самъ господинъ

войтъ *) пришелъ просить меня къ себѣ на службу! — думалъ Иванъ. — Сказалъ бы я ему пару словъ правдивыхъ за то, что онъ побилъ меня недавно палкой, когда засталъ моихъ лошадей у себя во ржи“.

И дѣйствительно, войтъ пришелъ, и Иванъ наговорилъ ему дерзостей, которыя грозный начальникъ выслушалъ какъ нѣчто должное.

„Лучше всего, должно-быть, служить у священника“, подумалъ Иванъ.

И сейчасъ же шелъ къ нему понамарь посломъ отъ священника, просилъ его притти завтра, потому что его милость очень желаетъ видѣть Ивана. Священникъ угостилъ Ивана виномъ, — это было первое вино, какое въ своей жизни пробовалъ Иванъ, — и просилъ его перейти къ нему на службу.

— Приду, батюшка, почему не притти, — весело сказалъ Иванъ, цѣлуя руку батюшки; но на мысли у него было совсѣмъ другое.

— А когда же придешь? — спросилъ батюшка.

*) *Войтъ* — сельское начальство, въ родѣ старшины.

— Еще сегодня пойду къ хозяину, а завтра уже буду у вашей милости, — сказалъ Иванъ.

Батюшка поблагословилъ его на дорогу, и онъ пошелъ въ село.

Иванъ былъ слуга единственный въ своемъ родѣ. Не только работалъ за десять, но, — и это была вещь не менѣе важная и интересная, — ничего не ѣлъ. Да! Отъ того памятнаго дня, когда онъ привезъ столько дровъ, хозяйка не видѣла ложки въ его рукахъ. И никто не видѣлъ, чтобы онъ ѣлъ. Однако, за эти нѣсколько недѣль онъ расцвѣлъ и зарумянился какъ полевой макъ.

— Что съ тобой, Иванъ? — спрашивала хозяйка. — Почему ты ничего не ѣшь?

— Я сытъ, — отвѣчалъ Иванъ. — Даже и не ставьте ничего передо мной, я не могу ѣсть.

— Но кто же тебя такъ угостилъ?

— Э, это ужъ мое дѣло. И не спрашивайте меня, потому что я вамъ не скажу объ этомъ.

Пробовали и слѣдить за Иваномъ, гдѣ онъ ѣсть, но безуспѣшно. Во время обѣда или ужина Иванъ исчезалъ

гдѣ-то, какъ камень въ воду. Излишне говорить, что Ивана кормилъ его перстень. Какъ только Иванъ хотѣлъ ѣсть,— а хотѣлъ онъ ѣсть сначала очень часто, потому что за свою жизнь успѣлъ достаточно наголодаться,— садился гдѣ-нибудь и шепталъ:

— Хочу, чтобы меня никто не видѣлъ.

И тотчасъ становился невидимымъ. По его желанію являлись передъ нимъ наилучшія кушанья, какія только могла придумать его бѣдная мужицкая фантазія: пирожки съ сыромъ, съ макомъ, съ капустою, колбаса, жареная курица, водка съ медомъ, пшеничный хлѣбъ. Иванъ ѣлъ такъ, что даже за ушами трещало. А теперь, побывавши у священника, онъ думалъ объ одномъ: „Отнынѣ всегда буду пить вино“.

IX.

Мечтамъ священника о томъ, чтобы имѣть такого необыкновеннаго работника, не суждено было исполниться. Едва Иванъ вышелъ на улицу, какъ увидѣлъ

карету, запряженную четверкой добрых лошадей въ богатой упряжи. Два лакея возились у кареты, ища чего-то, а въ каретѣ сидѣлъ важный баринъ.

„Вотъ если бы человѣкъ могъ добиться поступить на службу къ такому барину, — подумалъ Иванъ. — Я когда-то служилъ у нашего помѣщика, такъ какой это баринъ! Ъздилъ на парѣ лошадей, да и то такихъ, что только плюнуть. А въ Львовѣ *) собирался ѡхотиться три года, да такъ и не собрался. Нѣтъ, вотъ съ такимъ баринѣмъ навѣрное человѣкъ повидалъ бы свѣта!“

— Эй, молодецъ! — крикнулъ ему баринъ изъ кареты.

Иванъ снялъ шапку и приблизился къ каретѣ. Баринъ долго и внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ты нравишься мнѣ, — сказалъ онъ наконецъ. — У меня сбѣжалъ кучеръ. Сумѣешь править четверкою? Изъ этихъ болвановъ (при этомъ онъ указалъ на своихъ лакеевъ) ни одинъ не умѣетъ.

*) *Львовъ* — областной городъ въ Австріи, бывшій когда-то столицею Галицкой Руси. (Перевод.).

— Умѣю, ваша милость!—отвѣтилъ, не задумываясь, Иванъ.

— А хочешь поступить ко мнѣ на службу?

— Хочу!—радостно отвѣтилъ Иванъ.

— Я — князь Вязовскій, господинъ Чортопхайловской вотчины. Слыхалъ когда-нибудь?

— Слыхалъ, ваша милость.

— Ну, садись на козлы и бери вожжи въ руки,—увидимъ, какъ ты умѣешь править. Вези насъ къ своему хозяину, заберемъ твои вещи и покончимъ съ хозяиномъ расчетъ.

— Не надо, ваша милость,—сказалъ Иванъ:—я окончилъ свою службу и искалъ мѣста, а потому не съ кѣмъ мнѣ и рассчитываться. Вещи мои сохраняются въ хорошемъ мѣстѣ, да я думаю, что онѣ не очень и нужны мнѣ для службы у вашей милости.

— Какъ хочешь,—сказалъ, подумавше, князь.

Княжеская четверка въ Ивановыхъ рукахъ летѣла вѣтромъ, легко, покорно и безъ устали. Иванъ не бралъ даже кнута въ руки, — достаточно было ему сказать слово, чтобы заставить ее

поворотить куда угодно, осадить или прибавить шагу. Иванъ бесѣдовалъ съ лошадьми какъ съ дѣтьми, старался поближе познакомиться съ каждой, узнать ихъ характеръ и привычки; казалось, что и лошади понимаютъ каждое его слово. Князь не могъ надивиться исправности и умѣнью своего новаго возницы.

Въ ближайшемъ городѣ князь купилъ Ивану богатую ливрею, въ которой Иванъ какъ бы переродился. Изъ неуклюжаго сельскаго парня онъ превратился въ проворнаго красиваго молодца, на котораго такъ и засматривались люди, когда карета проѣзжала по городскимъ улицамъ.

Князь не долго оставался въ городѣ, который стоялъ въ серединѣ его вотчины и въ которомъ у него былъ свой дворецъ. Онъ собирался за границу, гдѣ у него была жена и дочь. А такъ какъ въ тѣ времена еще не было желѣзныхъ дорогъ, то четверка, кучеръ и лакеи составляли необходимую принадлежность барскаго путешествія. Особенно важенъ былъ въ дорогѣ кучеръ, а потому баринъ имѣлъ причину быть очень до-

воленъ тѣмъ, что нашелъ самаго хорошаго ямщика, какимъ былъ Иванъ.

Тѣмъ временемъ Иванъ наслаждался своимъ новымъ положеніемъ. Вступилъ онъ на козлы княжеской кареты какъ удѣльный князь въ свою столицу, вполнѣ чувствуя свою важность, и уже успѣлъ заслужить себѣ уваженіе среди лакеевъ. Этимъ лакейскимъ душамъ были особенно внушительны его умѣнье и исправность въ обхожденіи съ лошадьми, его гордая осанка, молчаливость и задумчивость, его необычайная красота, которая какъ весенній цвѣтъ, расцвѣтала передъ ними. Въ своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ-лакеямъ Иванъ сразу сумѣлъ поставить себя въ высшее и независимое положеніе и не испыталъ ни одной изъ тѣхъ непріятностей, какія испытываетъ всякій сельскій престаекъ, попадая въ господскій дворъ, какихъ и онъ испыталъ когда-то вволю, служивши у своего помѣщика.

Теперь было совсѣмъ не то. Все занимало, утѣшало и радовало Ивана. Занимала его кучерская служба, особенно ѣзда по многолюднымъ городскимъ

улицамъ, между рядовъ идущихъ хорошо одѣтыхъ господъ или вдоль тѣнистыхъ аллей громаднаго княжескаго парка. Радовали его прекрасныя лошади, отданныя подъ его непосредственную опеку. Лошадей онъ издавна любилъ, но такихъ хорошихъ, добрыхъ и умныхъ онъ еще никогда не имѣлъ подъ своею рукою. А потому и не удивительно, что онъ полюбилъ ихъ больше всего, что было на княжемъ дворѣ, берегъ ихъ какъ самого себя, бесѣдовалъ съ ними и ласкалъ ихъ какъ дѣтей. Не удивительно, что и онѣ привязались къ нему съ первой минуты какъ дѣти. Доволенъ былъ Иванъ и княземъ, который хотя и не сыпалъ деньгами и даже на пищу слугамъ отпускалъ довольно скупо, все-таки обходился съ ними по-человѣчески, а къ Ивану былъ особенно ласковъ. Правда, слуги потихоньку называли князя расточителемъ и банкротомъ, котораго жида скоро выживутъ изъ вотчины, но Ивана это не интересовало. Пищи лакейской ему не нужно было, денегъ—еще меньше; онъ желалъ лишь повидать свѣтъ и людей, испытать всю полноту жизни, а для

этого, казалось ему, его служба княжескаго кучера давала ему всё удобства.

Недолгая жизнь въ городѣ, въ кругу барской дворни, произвела на него большое вліяніе. Желанія его разрастались скоро и широко. Все, что онъ видѣлъ, привлекало его, но и пресыщало въ короткое время. Портилъ себя желудокъ рѣдкостными блюдами, какія видѣлъ на барскомъ столѣ, и вслѣдствіе этого получалъ отвращеніе къ обыкновеннѣйшей полезной пищѣ. Въ первый разъ за свою жизнь онъ почувствовалъ приступъ тяжелой городской тоски, о которой ему въ селѣ и не снилось. Окружающее всёѣмъ не способно было направить его желанія въ сторону какихъ-либо духовныхъ потребностей и интересовъ. Князь ѣздилъ съ визитами къ городскимъ и окрестнымъ барамъ, бывалъ въ опереточномъ театрѣ, еще охотнѣе проводилъ ночи въ кафе-шантанахъ или за картами, но книгъ никакихъ не читалъ, умныхъ разговоровъ не любилъ, всякія „мысли и стремленія“ считалъ глупостью, исключительной собственностью и созданіемъ голодныхъ сочинителей и голыхъ профессоровъ. Онъ не думалъ о томъ, что

и самъ онъ, въ одно прекрасное утро, можетъ оказаться въ рядахъ этихъ голыхъ и голодныхъ. Онъ вѣрилъ въ свое счастье, не разъ уже спасавшее его въ тяжелыя минуты, когда онъ былъ уже на краю разоренія и гибели. Вслѣдствіе этого не удивительно, что княжій дворъ не былъ подходящею школою для духовнаго развитія Ивана и что, имѣя возможность удовлетворять свои желанія, какія только могли быть доступны его неразвитой душѣ, онъ скоро пресыщался и начиналъ тяготиться своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ.

Х.

Но счастье улыбнулось ему. Князь вспомнилъ, что имѣетъ за границей жену и дочь, что живутъ онѣ въ столицѣ на довольно бѣдной, хотя и дорогой квартирѣ, что онѣ нетерпѣливо ожидаютъ его пріѣзда вмѣстѣ со свѣжимъ капиталомъ; что капиталъ этотъ, насколько его можно было стянуть продажею имущества, скота и займами у евреевъ-ро-

стовщиковъ, уже счастливо пребываетъ въ его шкатулкѣ, и что, однимъ словомъ, время было ѣхать. Онъ приказалъ готовиться, чтобы черезъ нѣсколько дней двинуться. Путешествіе, постоянная близость къ лошадямъ и къ природѣ освѣжили Ивана. Онъ имѣлъ занятіе, хотя и не имѣлъ необходимости работать. Передъ его взоромъ пробѣгали разнообразныя окрестности, села, гдѣ сотни подобныхъ ему Ивановъ вздыхали и печально глядѣли вслѣдъ улетающей княжеской каретѣ, напрасно мечтая о счастьи хоть разъ въ жизни проѣхать вотъ такъ же по широкому свѣту, мѣстечки, въ которыхъ встрѣчалась невылазная грязь или тучи пыли, кучи полунагихъ жиденятъ среди улицы и обрюзглыя лица пьяницъ, высовывавшіяся изъ дверей кабаковъ. Иванъ сначала съ любопытствомъ ловилъ эти дорожныя подробности, радостно привѣтствовалъ каждую далекую вершину горы, каждый смѣлый поворотъ рѣки. Свѣжій воздухъ увеличивалъ его аппетитъ, густой румянецъ разливался на его щекахъ. Онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и не желалъ ничего лучшаго.

Но это довольство не было продолжительно. Путешествіе начало, наконецъ, надоѣдать ему своимъ однообразіемъ. При каждомъ новомъ видѣ, поворотѣ, обрывѣ, вершинѣ горы Иванъ думалъ съ досадою: „Все это такое точно я уже видалъ“. Въ каждомъ мѣстечкѣ невольно съ устъ его срывались оклики: „Съ дороги, голытьба! А, чтобъ васъ!.. Съ дороги, а то раздавлю!..“ Впрочемъ, Ивану приходилось испытывать и нѣкоторыя непріятныя стороны княжескихъ привычекъ: скверные ночлеги для слугъ, недостатокъ сна, все болѣе частыя злыя насмѣшки князи, въ которыхъ онъ проявлялъ недовольство слугами, ихъ лѣнностью, нерасторопностью, напрасною тратою денегъ, порчей ливреи и т. п. Правда, князь не могъ ни въ чемъ упрекнуть Ивана, но эти вѣчные упреки лакеямъ, которые сидѣли тутъ же рядомъ съ нимъ, дразнили Ивана какъ царапанье желѣзомъ по стеклу. Козлы княжеской кареты становились для Ивана съ каждымъ днемъ все жестче и ненавистнѣе.

— Боже, хотя бы какая переменна, какой-нибудь случай въ дорогѣ! — вздох-

нуль разъ Иванъ, когда утромъ выѣхали изъ гостиницы и Иванъ предвидѣлъ длинный день, который нужно было просидѣть на жесткой кожаной подушкѣ, среди однообразныхъ полей и луговъ, подъ горячими лучами лѣтняго солнца.

Кромѣ того, видъ тысячъ людей, занятыхъ полевыми работами, будилъ въ душѣ Ивана какое-то непріятное чувство. И радъ онъ былъ, что вырвался изъ этого ярма, однако начиналъ чувствовать какъ бы сомнѣніе, какъ будто его путешествіе было тяжелымъ грѣхомъ. Но хуже всего были для него пѣсни этого рабочаго люда. Пока онъ былъ еще Иваномъ-лѣнтяемъ, то пѣлъ очень часто и, напѣвая эти простыя, сердечныя пѣсни про долю, про любовь и любовныя приключенія, онъ получалъ удивительное облегченіе. Но съ того времени, какъ чудесный перстень охватилъ его палецъ и разбудилъ въ его душѣ новыя силы, новый міръ желаній, тотчасъ удовлетворяемыхъ, — съ того времени пѣсня бѣжала отъ него. Сначала она казалась ему глупостью, не стоящей того, чтобы для нея терять минуту времени; а теперь звенѣла въ его

ушахъ, принося ему лишь огорченіе. Эти люди поютъ, — должно - быть они счастливы! И Иванъ пробовалъ заглянуть внутрь себя, чтобы спросить самого себя: „А я, счастливъ ли я?“ И не умѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Вѣдь очевидно, ни въ чемъ для него нѣтъ недостатка, однако онъ чувствуетъ себя такимъ одинокимъ, далекимъ отъ остальныхъ людей, чувствуетъ пустыню вокругъ себя и не знаетъ, чѣмъ ее наполнить. Онъ пробовалъ нѣсколько разъ направить свои желанія въ эту сторону и ждалъ ихъ исполненія, но съ удивленіемъ и испугомъ замѣчалъ, что здѣсь чудесный перстень безсиленъ. И не удивительно. Перстень исполнялъ только ясно обозначенныя желанія, а такихъ слишкомъ общихъ, какъ: „хочу быть довольнымъ“ или „хочу быть счастливымъ“, перстень не могъ исполнять. Здѣсь уже исполненіе зависѣло отъ самого Ивана; здѣсь никакой перстень ничего не могъ ему помочь.

— Ахъ, если бы хоть какой случай въ дорогѣ! — вздыхалъ Иванъ, сидя на возлахъ и посматривая съ какой-то тре-

вогой въ неясную даль, заслоненную полупрозрачною утреннею мглою.

Правда, разныхъ приключеній въ дорогѣ было не мало и до сихъ поръ, но все тавія глупыя, что не могли развлечь Ивана, тѣмъ болѣе, что сила чудснаго перстня все исправляла такъ, что Иванъ не нуждался даже и въ томъ, чтобы двинуть пальцемъ. То колесо сломается, то упряжь порвется, то лошадь подкову потеряетъ,—ну, что это за приключенія! На эготъ разъ, по желанію Ивана, случилось болѣе забавное приключеніе: князь утерять деньги. Видитъ Иванъ, что князь въ каретѣ вертится, вздыхаетъ и даже ругаться начинаетъ. Видитъ это Иванъ, но ничего, молчитъ и ѣдетъ. Но князь кричитъ:

— Стой!

Иванъ остановилъ четверку.

— Чортъ побери! — ворчитъ князь, выворачивая карманы и роясь въ чемоданахъ.— Вѣдь я недавно держалъ его въ рукахъ!

Лакеи соскочили со своихъ мѣстъ и стали въ покорныя позы, вытянувшись, по обѣимъ сторонамъ кареты.

— Эй вы, болваны! — крикнулъ, на-

конецъ, князь. — Не видѣлъ изъ васъ который моего кошелька съ деньгами?

— Нѣтъ, свѣтлый господинъ! — въ одинъ голосъ отвѣчали оба лакея.

— А ты, Иванъ?

— Я видѣлъ, свѣтлый господинъ.

— Гдѣ?

— Вчера вы дали его той госпожѣ, которая приходила къ намъ на чай.

— Ты—дуракъ, Иванъ! — крикнулъ князь, припомнивши въ ту же минуту, что Иванъ сказалъ совершенную правду.

— А если я дуракъ, — спокойно отвѣтилъ Иванъ, — то пусть свѣтлый господинъ пошлетъ лакеевъ искать кошелька по дорогѣ. Я какъ будто видѣлъ, что за нѣсколько минутъ передъ этимъ что-то выпало изъ кареты. Можетъ, это онъ.

Замѣтилъ князь, что Иванъ насмѣхается надъ нимъ, и весь загорѣлся гнѣвомъ. Онъ зналъ хорошо, что изъ запертой кареты кошелекъ не могъ выпасть, особенно, если его передъ этимъ въ каретѣ вовсе не было; что даже если бы онъ и выпалъ, то Иванъ, сидя на козлахъ, никакъ не могъ этого ви-

дѣть или слышать среди шума колесъ и копытъ. Но все-таки, чтобы не уронить своего достоинства въ глазахъ лакеевъ, князь крикнулъ на нихъ:

— А ну, болваны, чего стоите? Бѣгите во весь духъ! Не можетъ быть, чтобы онъ пропалъ! Я высовывался, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ... Бѣгите! Дорога ровная, если не далеко утерянъ, то найдете.

А самъ кусалъ губы отъ злости. Боялся, чтобы лакеи не рассказали княгинѣ исторіи о той госпожѣ, которая была у него въ незнакомомъ мѣстечкѣ и которой онъ подарилъ кошелекъ съ 200-ми рублями.

— Слушай, Иванъ, — говорилъ онъ черезъ минуту, когда лакеи, недовѣрчиво усмѣхаясь, побѣжали вдоль по дорогѣ: — вѣзправду ли ты видѣлъ, какъ я отдалъ этой госпожѣ кошелекъ? Я что-то не могу хорошенько этого припомнить, должно-быть ужъ очень въ головѣ шумѣло.

— Я — дуракъ, свѣтлый господинъ, — коротко отвѣтилъ Иванъ. — Ничего я не видѣлъ. Я слыхалъ лишь, какъ кошелекъ выпалъ изъ кареты. Вотъ уже и

лакеи возвращаются, — прибавилъ онъ, оглядываясь. — Нашли, — бѣгутъ.

— Что? Нашли? — крикнулъ князь, не могшій опомниться отъ удивленія.

— Точно такъ, вотъ онъ! — въ одинъ голосъ отвѣтили лакеи и подали кошелекъ князю.

Князь остолбенѣлъ, не могъ повѣрить своимъ очамъ; но кошелекъ такъ несомнѣнно и дѣйствительно находился въ его рукахъ, что ему не оставалось ничего иного, какъ спрятать его въ карманъ и благодарить непонятный случай, избавившій его отъ хлопотъ. Но все же онъ подозрѣвалъ, что Иванъ такъ или иначе принималъ участіе въ этомъ „случаѣ“, и потому вечеромъ, когда остановились на постояломъ дворѣ ночевать, онъ позвалъ Ивана въ свою комнату и съ глазу на глазъ спросилъ его:

— Ну, Иванъ, скажи мнѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ съ этимъ кошелькомъ?

Иванъ сразу прикинулся дурачкомъ.

— Не мое дѣло знать объ этомъ, свѣтлый господинъ, — сказалъ онъ.

— Э, оставь, оставь, не говори пустяковъ! — сказалъ князь, добродушно

трепля его по плечу.—Ну, скажи, не бойся, я не буду сердиться.

— Да что ужъ говорить,—сказалъ Иванъ.— Эта госпожа, взявши кошелекъ отъ васъ, какъ-то уронила его. Я его поднялъ и спряталъ, чтобы отдать его вамъ; а когда вы начали искать его въ каретѣ, я выронилъ кошелекъ на дорогу.

— Ахъ, Иванъ,—крикнулъ князь,—кто-нибудь чужой могъ его найти!

Иванъ улыбнулся.

— Ну, такъ что же,—сказалъ онъ спокойно.—Этотъ кошелекъ выручилъ бы какого-нибудь бѣдняка, а ваша милость и подумать бы не могли, что онъ утерянъ на дорогѣ.

Князь хотѣлъ еще что-то сказать Ивану, но замолчалъ и лишь посмотрѣлъ на него недовѣрчиво.

„Скверныя шутки,—подумалъ Иванъ, замѣтивши это:—еще сочтетъ меня князь воромъ“.

XI.

Послѣ этого нѣкоторое время ѣхали безъ всякихъ приключеній. Иванъ тосковалъ все больше, тѣмъ болѣе, что они переѣхали уже въ чужой край, гдѣ люди говорили на непонятномъ языкѣ. Край былъ ровный и однообразный, такъ что и на окрестности смотрѣть съ козелъ было скучно. Только тысячи косарей и жнецовъ по обѣимъ сторонамъ дороги мелькали все время. И чѣмъ далѣе, все больше приходилось Ивану подмѣчать въ своей душѣ какое-то странное, еще неясное и робкое чувство, какъ будто зависть къ этимъ людямъ, работающимъ, утомленнымъ, согнувшимся въ дугу надъ работою, залитымъ потомъ такъ, что издали можно было видѣть ихъ мокрыя сорочки, или же сидящимъ весело въ кружкѣ среди полосы, среди сноповъ, за обѣдомъ или полдникомъ. Но это непріятное чувство рождалось въ душѣ Ивана только на короткое время и, повидимому, не оставляло никакого слѣда, кромѣ тихаго вздоха.

Больше надоѣдала ему ѣзда на солнечномъ припекѣ.

„Хоть бы тѣнистый лѣсъ встрѣтился!“ подумалъ Иванъ, и въ ту же минуту, посмотрѣвши черезъ головы лошадей, онъ увидѣлъ впереди темно-зеленую стѣну высокаго сосноваго лѣса, отъ котораго, очевидно, на тысячи шаговъ вѣяло освѣжающей прохладой и чуднымъ смолистымъ запахомъ. Легче стало на душѣ Ивана, когда онъ увидѣлъ, что дорога бѣловатою узенькою лентою врѣзывалась въ эту темную зелень, тянулась далеко-далеко между его стѣнами и терялась гдѣ-то въ темной дали. Въ лѣсу стояла таинственная тишина, а звукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ былъ глуше обычнаго, будто отъ робости.

„Въ такомъ лѣсу и разбойникамъ удобно было бы гостить“ подумалъ Иванъ.

Ему вспомнились разбойники въ темномъ, густомъ лѣсу, о которыхъ онъ еще маленькимъ наслушался столько страховъ въ сказкахъ бабушки. „Вотъ если бы намъ встрѣтиться съ такими разбойниками!“ подумалъ онъ.

И только лишь онъ объ этомъ подумалъ, какъ съ обѣихъ сторонъ дороги и въ кустарникѣ показалась цѣлая шайка какихъ-то оборванныхъ бродягъ и винулась къ каретѣ.

— Стой!—закричали бродяги, махая кольями впереди лошадей и хватая ихъ за уздечки.

Иванъ остановилъ четверку. Разбойники обступили ее и первыхъ стянули лакеевъ.

— Гдѣ деньги?—орали они.

— Спрашивайте барина.

— Бейте лакейскія души!—крикнулъ вожакъ шайки бродягъ.—Бейте, пока душа пить запроситъ,—пусть сознаются!

Приказывать въ другой разъ не нужно было. Въ одну минуту нѣсколько дюжихъ молодцовъ разложили бѣдныхъ лакеевъ среди дороги—и ну молотить ихъ палками. Тѣмъ временемъ другіе вытащили изъ кареты князя, который со страха, очевидно, онѣмѣлъ совершенно.

— Гдѣ деньги?—крикнулъ у него надъ ухомъ атаманъ.

— Лю... лю... люди! Лю... люди!—безсвязно бормоталъ князь, не умѣя произнести слова отъ испуга.

— Э, э! У свѣтлаго господина языкъ запутался, — смѣялись бродяги.

Атаманъ тѣмъ временемъ рылся внутри кареты. Но какъ старательно ни искалъ, ничего цѣннаго, кромѣ часовъ и другихъ мелочей, не могъ найти. Девегъ какъ будто и совсѣмъ не было въ каретѣ.

— Должно-быть, при себѣ ихъ спрятали, — сказалъ атаманъ и началъ старательно обыскивать самого князя.

Но и это напрасно. Князь какъ будто предчувствовалъ бѣду и еще утромъ, когда двинулись въ дорогу, спряталъ деньги въ тайное помѣщеніе, имѣвшееся въ каретѣ и извѣстное лишь ему одному. При себѣ онъ имѣлъ лишь нѣсколько рублей мелочи.

— Гдѣ деньги? — во всю мочь заоралъ разбойникъ, трепля князя такъ, что въ немъ едва духъ держался.

— Лю... лю... лю... — бормоталъ лишь князь, не имѣя силы стоять на ногахъ.

— Положите его и бейте, пока у него языкъ не развяжется! — скомандовалъ атаманъ.

Бѣдный князь не могъ даже кричать и лишь пищалъ подъ ударами какъ дитя.

— Берите еще и кучера, можетъ, онъ

намъ скажетъ!—командовалъ тѣмъ временемъ атаманъ.

Сейчасъ же нѣсколько молодцовъ кинулись къ Ивану, чтобы стащить его съ козелъ.

— Эй ты, уйди!—огрызнулся Иванъ, сидѣвшій все время преспокойно на козлахъ и державшій лошадей.—Не тронь, лошадей испугаешь!

— Гдѣ деньги, блюдолизъ?—кричалъ атаманъ, махая громаднымъ коломъ.

— Не знаю,—сказалъ Иванъ.

— Сейчасъ будешь знать!—крикнули разбойники и бросились къ Ивану.

— Отстаньте, а то разсержусь,—предостерегалъ ихъ Иванъ.

— А ну, ну, разсердись! — кричали разбойники и громко засмѣялись.

Въ то же время они такъ дерябнули его, что онъ какъ снопъ полетѣлъ съ козелъ. Удары палокъ посыпались на его плечи.

— Что же это, бьете?—крикнулъ Иванъ.

— А ты думалъ, шутимъ?—хохотали ему въ отвѣтъ и колотили еще усерднѣе.

— Ахъ вы, разбойничьи души!—крикнулъ Иванъ, поднялся на ноги и взялъ кнутовище тонкимъ концомъ въ руку.

Замахнулся такъ, что длинное кнутовище засвистѣло въ воздухѣ. Упругій, оплетенный ремешкомъ пруть рѣзнулъ по головѣ атамана, который отъ этой неожиданности повалился наземь. Отъ новаго размаха повалился другой разбойникъ, тамъ—третій. Пока разбойники успѣли сообразить, что Иванъ взаправду защищается, уже пять изъ нихъ было искалѣчено. А Иванъ работалъ далѣе, cadaго надѣлая лишь однимъ ударомъ, но такимъ, какой приходилось помнить всю жизнь. Освободилъ князя, оглушилъ тѣхъ, которые держали лошадей, а тѣ, которые били лакеевъ, ожидая и себѣ такой же чести, убѣжали сами. Тогда Иванъ преспокойно принесъ изъ ближняго ручья воды, вспрыснулъ князя и далъ ему напиться, отрезвилъ также лакеевъ и вмѣстѣ съ ними всадилъ князя въ карету; наконецъ онъ оказалъ такую же добродѣтель самарянина и атаману разбойниковъ и его товарищамъ, лежавшимъ какъ снопы среди дороги. Голова у атамана страшно распухла, а

поперекъ лица онъ имѣлъ толстую синюю полосу.

— А не говорилъ я вамъ: отстаньте!— добродушно сказалъ Иванъ.

Но атаманъ никакъ не могъ еще притти въ себя. Сидя среди дороги, онъ лишь шевелилъ губами и не могъ промолвить слова.

— Будьте здоровы, добрые люди!— сказалъ Иванъ, уѣхавъ на своемъ мѣстѣ и взявъ вожжи въ руки.

Карета двинулась и скоро исчезла изъ глазъ разбойниковъ. Въ ближайшемъ городѣ князь долженъ былъ остаться подольше и нѣсколько дней пролежать въ постели. Иванъ ухаживалъ за нимъ какъ за отцомъ, не спалъ по цѣлымъ ночамъ и добывалъ для князя все, чего только тотъ желалъ, хотя князь забылъ даже дать ему денегъ на расходы. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней князь совершенно пришелъ въ себя и могъ уже спокойно вспоминать о страшномъ приключеніи.

— Такъ это ты одинъ ихъ побилъ?— спрашивалъ онъ Ивана.

— А съ кѣмъ же больше я могъ бы ихъ бить?— отвѣчалъ Иванъ.

— Но бойся Бога, Иванъ! — воскликнулъ князь. — Если ты чувствовалъ въ себѣ силу, то почему же ты не побилъ ихъ равьше, пока они еще ко мнѣ не привязались?

— По глупости своей, господинъ, — отвѣчалъ Иванъ.

XII.

Наконецъ пріѣхали въ тотъ городъ, гдѣ жила семья князя — жена и дочь. Должно-быть, не очень привѣтливо встрѣтила княгиня князя, потому что деньги, привезенныя княземъ, совсѣмъ не соотвѣтствовали ожиданіямъ княгини и потребностямъ обѣихъ дамъ. Иванъ сразу почувствовалъ, что въ этой хорошенькой квартирѣ пахло чѣмъ-то непріятнымъ, воздухъ былъ душенъ и спертъ какъ передъ бурей. Изъ разговоровъ, какіе изо дня въ день велись между прислугою, онъ узналъ, что обѣ госпожи, во время отсутствія князя, наделали много долговъ, которые вмѣстѣ съ долгами, сдѣланными еще до выѣзда князя въ родное помѣстье, составляли очень значительную сумму.

— Да и надоѣли же намъ эти вѣрители, — говорили слуги. — Уже не разъ княгиня приказывала выталкивать ихъ за дверь, не пускать въ ворота. Но какъ ты ихъ не пустишь? У себя, въ своемъ краю, сразу разобратъ можно: придетъ жидъ съ пейсами, съ длинными полами, ну, человекъ сразу видитъ, что его нужно за шиворотъ да за дверь. А здѣсь — чортъ ихъ узнаетъ, кто жидъ, а кто не жидъ. Придетъ баринъ, въ кольцахъ, съ золотою цѣпочкою, одѣтый такъ, что человекъ подумаетъ: князь какой-нибудь. А тутъ черезъ минуту княгиня звонитъ и велитъ взять этого господина за плечи и выбросить.

Изъ такихъ и подобныхъ имъ разговоровъ Иванъ узналъ, что княгиня съ великимъ трудомъ смогла заставить вѣрителей ждать пріѣзда князя и что теперь, значить, они налетятъ сюда какъ воршунны, и если у князя денегъ не хватитъ для ихъ удовлетворенія, то надо ждать большой бѣды.

Иванъ долго не могъ себѣ объяснить, почему всѣ эти разговоры ему такъ больно слушать, какъ будто рѣчь шла о его собственной семьѣ. Что привязы-

вало его къ князю? Ровно ничего. Не понравилась ему и княгиня прямо съ перваго взгляда. Это была высокая барыня, гордая, до сихъ поръ ни разу не изволившая взглянуть на него. А княжна? Иванъ сначала какъ будто не замѣтилъ ея. Это была маленькая особа, съ круглой какъ яблочко головой, немного вздернутымъ носикомъ и черными бойкими глазками, безконечно-подвижная и говорливая, вѣчно занятая собой, своимъ туалетомъ, своими канарейками, своими обожателями. Увидѣлъ ее Иванъ лишь черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда, когда она пришла посмотреть четверку, прибывшую изъ помѣстья.

— Ахъ, какія же онѣ хорошенькія! Ахъ, какія онѣ миленькія!—выкрикивала она, похлопывая лошадей по спинамъ и по мордамъ своею маленькою, дѣтскою ручкою.—Теперь мнѣ можно на нихъ выѣзжать? Правда, папочка?

— Ну да, разумѣется! — буркнулъ князь.

— Только ты долженъ мнѣ купить кабріолетикъ хорошенькій, хорошенькій. Купишь, папа?

— Эхъ ты, щебетунья моя, — грустно сказалъ князь, — чего бы я для тебя не купилъ!? Да только видишь...

— Э, что тамъ — видишь! Купишь, купишь, купишь! — приговаривала дѣвушка, прыгая вокругъ отца и лаская его подбородокъ. — Ахъ, какъ это будетъ чудесно!

А потомъ прибавила, принимая серьезный и озабоченный видъ:

— А кучеръ? Это тотъ кучеръ, котораго ты привезъ? — сказала она, показывая на Ивана, державшаго передъ нею лошадей.

— Тотъ самый, Ниночка.

— Какой скверный!

— Скверный, дитятко? Чѣмъ?

— Настоящій медвѣдь. Куда я съ нимъ покажусь?

— Можно его отпустить, — сказалъ князь.

— Отпусти, папочка. Наймемъ жокея, который и услужить сумѣетъ.

И, ласкаясь къ отцу какъ цвѣточекъ, она пошла съ нимъ въ домъ.

Иванъ почувствовалъ ненависть къ

этой сорокѣ, которая, казалось, не имѣла ни малѣйшаго понятія о Божьемъ свѣтѣ и о житейскихъ хлопотахъ. Онъ почувствовалъ тайную радость, когда въ одинъ день вѣрители, узнавши о пріѣздѣ князя и давши ему немного отдохнуть, толпою осадили княжескую квартиру.

„Хотѣлъ я помочь имъ (хозяину),— думалъ Иванъ,—а коли они такіе легкомысленные, то пусть сами изворачиваются, какъ знаютъ. А я для нихъ и пальцемъ не шевельну“.

И сѣлъ онъ на лавкѣ, у стѣны дома, закуривши трубку и совершенно ни о чемъ не думая, какъ это онъ когда-то привыкъ было дѣлать по воскресеньямъ послѣ обѣда, когда еще служилъ въ селѣ и имѣлъ хоть немного свободнаго времени.

— Иванъ!—раздался серебристый голосъ изъ галлерей тутъ же надъ головой Ивана.

— Слушаю,—отвѣчалъ онъ.

— Будь такъ добръ, заложь пару вороныхъ въ фаэтонъ.

Легкій шелестъ платья показывалъ, что владѣтельница его удалилась.

„Которая это могла бы быть: старая или молодая? — думалъ Иванъ, который не могъ видѣть ея лица. — Кто ихъ по голосу узнаетъ, когда обѣ пищать словно кошки. Но ты, барышня, жди у меня!“

Бормоча, онъ направился къ конюшнѣ, гдѣ лошади были уже вычищены, фаэтонъ приготовленъ, упряжь блестяла какъ зеркало. Пока Иванъ приблизился къ дверямъ, лошади были уже запряжены.

Въ эту минуту изъ квартиры выбѣжала барышня, румяная, свѣжая, въ модномъ платьѣ для прогулокъ.

— Тамъ папа съ этими своими вѣрителями возится, — щебетала она не то сама себѣ, не то обращаясь къ Ивану. — Очень нужно мнѣ слушать ихъ скучныя бесѣды! Лучше прокатиться въ рощу.

Она остановилась передъ фаэтономъ, ожидая, пока Иванъ поможетъ ей сѣсть, но даже не глядя на него.

— Я съ барышней не поѣду, — рѣшительно заявилъ Иванъ.

— Не поѣдешь? Почему?

— Потому что я скверный, медвѣдь, а барышня нуженъ жокей.

— Что? Что? Что? — лепетала Нина, а ея личико загорѣлось румянцемъ, — не извѣстно, отъ гнѣва или отъ стыда.

— Пусть барышня ищетъ себѣ жокея, а я не поѣду, — повторилъ Иванъ.

Нина еще мгновенье смотрѣла на него не то удивительно, не то безконечно-жалобно. Румянецъ постепенно исчезъ съ ея лица, которое теперь очень поблѣднѣло, а на глазахъ у нея появились слезы.

— Грубіянь! — прошептала она и отвернулась, чтобы итти обратно въ домъ.

Сжалось отъ боли сердце Ивана.

— Ну, садитесь, барышня, — сказалъ онъ привѣтливо. — Поѣдемъ ужъ, если вы такъ хотите.

— Я не хочу! не поѣду! — отрубилла Нина и, не оглядываясь, пошла въ домъ.

— Однако, я глупъ какъ сапогъ, — ворчалъ Иванъ, оставшись одинъ и вновь усаживаясь на прилавокъ, съ трубкою въ зубахъ (лошади и фаэтонъ уже давно стояли по своимъ мѣстамъ). Зачѣмъ это моя выходка? Еще, пожалуй, подумаетъ, что я хочу, пользуясь ихъ

общимъ тяжелымъ положеніемъ, ввести ихъ въ новые расходы. Фи, Иванъ, это дурно, это очень дурно!

И думаль - передумываль онъ, что дальше дѣлать: выручить ли князя или уйти отъ него? Но, не выдумавши ничего подходящаго, онъ махнулъ рукою и сказалъ самому себѣ:

— Э, да, вѣдь еще пока жиловская школа не валится! Обождемъ, что дальше будетъ.

XIII.

Кое-какъ князь сумѣлъ на время отвязаться отъ своихъ вѣрителей, хотя привезенныхъ имъ денегъ хватило едва на то, чтобы уплатить половину долговъ. Въ хорошенькой квартирѣ настали тяжелыя времена. Нужно было скупно выдавать на пищу и всякія необходимѣйшія потребности, чтобы хоть для вида поддерживать свое достоинство. Секретно продали пару лошадей и тяжелую карету, въ которой пріѣхалъ князь изъ вотчины; но и этого не на долго хватило. Только необычайное легкомысліе князя и его дочери да недо-

стунная гордость княгини могли еще кое-какъ поддерживать равновѣсіе въ этомъ безвыходномъ положеніи. Иванъ узналъ отъ лакеевъ, что князь поручилъ письмомъ своему уполномоченному въ вотчинѣ продать главную часть имѣнія.

— Уполномоченный, — говорилъ далѣе лакей, — отвѣтилъ нашему господину, что продать имѣніе нельзя, во-первыхъ потому, что нѣтъ покупателя, а во-вторыхъ потому, что нечего продавать.

— Какъ это нечего продавать?

— А такъ, что вѣрители влѣзли въ имѣнье, выхлопотали себѣ право забирать весь доходъ въ уплату долговъ и процентовъ. Если бы вѣритель былъ одинъ или если бы всѣ они пришли къ соглашенію, то, можетъ-быть, имѣнье было бы назначено по суду въ продажу. Но они почему-то не могутъ сговориться; вѣроятно, рассчитываютъ вытянуть отъ князя еще что-нибудь, и потому держать его будто за одну ногу повѣшеннаго. Уполномоченный написалъ, что по этимъ причинамъ онъ не можетъ ни имѣнія продать, ни доходовъ изъ него посылать.

Ивану даже жарко стало, когда онъ мысленно попробовалъ стать въ положеніе князя.

— А чѣмъ же это окончится?—спросилъ онъ.

— Дочку продадутъ,—злорадостно улыбаясь, шепнулъ ему надъ ухомъ лакей.

— Дочку? Нину?—остолбенѣвшій отъ удивленія крикнулъ Иванъ.

— А то кого же больше? Есть тутъ скупой старикъ, главный вѣритель князя, барономъ титулуется, но на самомъ дѣлѣ онъ просто жидъ, начавшій тянуть соки еще съ покойнаго отца нашего князя и нажившій тогда отъ него не мало. Богатъ, шельма! Не отступаетъ отъ нашего господина ни на шагъ, а когда мы вотъ здѣсь на время поселились, то и онъ здѣсь. А при этомъ случаѣ и другихъ господъ не упускаетъ. Такъ вотъ этотъ баринъ знаетъ очень хорошо, какъ стоять дѣла нашего князя, но все-таки даетъ ему въ долгъ. Теперь вотъ опять не малую сумму ссудилъ. Очевидно, онъ хочетъ такъ опутать князя, чтобы тотъ, наконецъ, долженъ былъ отдать ему дочь. Ужъ онъ и раньше пробовалъ ее взять, но тогда

еще наши господа лучше стояли, такъ чуть его въ окошко не выбросили. Но онъ—ничего, улыбнулся, извинился передъ княземъ и княгинею, а далѣе опять свое ремесло продолжалъ. Но теперь уже вѣрно, что не пойдетъ дѣло такъ хорошо. Теперь, если баронъ скажетъ: „отдайте за меня дочь!“ они не посмѣютъ отказать, еще должны будутъ дѣлать видъ, что очень рады этому.

— Ну, а что же барышня? Неужто она такъ прямо и пойдетъ за барона?

— Да что барышня? Вѣдь видишь, какая она! Прыгаетъ, поетъ, танцуетъ, играетъ, будто ни о чемъ больше на свѣтѣ и не знаетъ. Что ты подѣлаешь съ такимъ веретеномъ? Ну, вѣроятно, когда ей скажутъ итти за барона, она другое запоетъ. Но этого горя не надолго хватить. Баронъ богатъ, дастъ ей то, чего отецъ не можетъ дать, и она за нарядами, забавами и кавалерами скоро забудетъ все, даже и самого барона. Не даромъ сказано: женщина какъ верба,—гдѣ посади, тамъ и примется.

У Ивана морозъ пробѣжалъ по спинѣ отъ этихъ словъ. Такъ вотъ какая участь ожидаетъ это хорошенькое, ничего не-

знающее дитя! Онъ не сомнѣвался въ томъ, что князь способенъ ее продать. Иванъ ожидалъ лишь увидѣть того коршуна, который такъ долго высматривалъ свою добычу. Ему пришлось ждать не долго. Въ тотъ самый день баронъ пришелъ къ князю отдать визитъ. Это былъ уже старый баринъ, съ откормленнымъ брюхомъ, гладко выбритымъ лицомъ и вставными зубами. Онъ имѣлъ привычку громко откашливаться и качался на ногахъ какъ бричка на рессорахъ. Большіе оловянные глаза смотрѣли какъ-то тупо и безъ выраженія; только на мясистыхъ губахъ время отъ времени скользила какая-то непріятная, предательская, чисто жидовская улыбка.

„Ну, этотъ навѣрняка человекъ спокойно слопаешь и виномъ запьешь!“ подумалъ Иванъ, присмотрѣвшись къ барону. И горькое, жалостливое чувство охватило его душу.

— Иванъ! — раздался надъ нимъ голосъ княжны Нины.

— Слушаю, — сказалъ, обертываясь, Иванъ, смѣшавшійся чего-то, какъ будто его поймали на мѣстѣ преступленія.

— Все ли еще сердишься на меня?

— Ахъ, что вы говорите!—воскликнулъ Иванъ, еще пуще смѣшавшись.— Да развѣ я когда-нибудь...

— Значить, поѣдешь со мной?

— Охотно. Черезъ минуту все будетъ готово.

Иванъ бросился къ конюшнѣ.

— Я сейчасъ одѣнусь и выйду,—крикнула вслѣдъ ему Нина.

Черезъ минуту Иванъ уже стоялъ съ запряженными лошадьми у подъѣзда. Вскорѣ вышла и княжна.

— Пришелъ этотъ гадкій баронъ,—щебетала она уже прямо къ Ивану, пока онъ помогалъ ей сѣсть въ фаэтонъ.— Впрочемъ, ты его не знаешь. Счастливый ты! А я не хотѣла бы и пяти минутъ быть вмѣстѣ съ нимъ подъ одной кровлей. Пусть его тамъ съ папашей обмѣнивается пустыми комплиментами!

Черезъ полчаса пріѣхали въ рощу. Гуляющихъ почти не было; тѣнистыя аллеи были пусты. Воздухъ былъ прекрасный, полный свѣжести и аромата, звенѣвшій отъ щебетанья птицъ. Иванъ началъ ѣхать тише. Ему очень хотѣлось поговорить съ княжною, а княжна (онъ

почувствовалъ это неизвѣстно какимъ образомъ) тоже сидѣла безпокойно.

— Правда ли, — сказалъ онъ, немного оборотившись къ ней, — правда ли, что княжна выходятъ замужъ за барона?

Княжна Нина востепенулась какъ облитая кипяткомъ.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Я слыхалъ, — слуги говорили.

— А если бы и такъ, то что же изъ этого?

— Жаль мнѣ княжну, очень жаль! — простодушно сказалъ Иванъ. — Тѣмъ болѣе, — прибавилъ онъ, — что, какъ видно, княжна не больно его любитъ.

— Ахъ, ненавижу его! — крикнула княжна.

— А правда ли, — говорилъ далѣе Иванъ, — да простятъ мнѣ княжна мое любопытство, но я спрашиваю это отъ добраго сердца, — правда ли, что родители хотятъ продать княжну барону?

— Что ты говоришь? — крикнула княжна Нина, поблѣднѣвши какъ мертвецъ.

— Я, глупый Иванъ, повторяю, какъ дитя, то, о чемъ другіе говорятъ.

— Такъ вотъ что они говорятъ обо мнѣ! — прошептала княжна, чувствуя,

что въ ея груди начинаетъ спираться дыханье.

— А правда ли, что отецъ княжны долженъ барону много денегъ, и за это княжна...

— Молчи! Не домучивай меня!—крикнула княжна, у которой теперь только, послѣ грубыхъ, хотя и искреннихъ словъ Ивана, начало проясняться въ головѣ.

Лошади пошли шибче. До конца прогулки между Иваномъ и Ниною не было сказано ни слова.

XIV.

На другой день Нина опять приказала заложить лошадей, хотя барона въ тотъ день у нихъ и не было.

— Расскажи мнѣ кое-что о нашемъ краѣ,—сказала княжна, когда они вѣхали въ аллею.

— Что я могу рассказать?—сказалъ Иванъ.—Я знаю лишь село и мужицкую жизнь.

— Расскажи мнѣ про село и про мужицкую жизнь! Десять лѣтъ ужъ я живу за границею. Плачу иногда о селѣ.

Боже! тамъ я еще была счастлива. А здѣсь...

Слезы не дали ей досказать.

— Пусть княжна не плачутъ, — молвилъ Иванъ: — село не убѣжитъ. Еще княжна могутъ вернуться въ него и быть счастливою.

— Погибло, Иванъ, погибло! — всхлипывала княжна Нина, закрывая лицо руками. — Вчера папаша продалъ меня барону. Даже контрактъ уже подписали. Черезъ мѣсяцъ наша свадьба.

На это извѣстіе Иванъ не нашелъ словъ утѣшенія. А княжна вдругъ вытерла слезы и выпрямилась.

— Нѣтъ, ничего изъ этого не будетъ! — воскликнула она рѣшительно.

Иванъ смотрѣлъ на ея зарумянившееся личико, на влажные, блестящіе глаза.

— Не дождутся они, чтобы я подчинилась ихъ сдѣлкамъ!

— А что же княжна станутъ дѣлать?

— Утоплюсь!

— Боже! что это княжна говоритъ! — крикнулъ Иванъ.

— Утоплюсь, зарѣжусь, повѣшусь или уйду, наймусь на службу, но за

барона не пойду! Ахъ, какъ я его ненавижу! И его и всѣхъ.

— И меня?—тихо спросилъ Иванъ.

— И тебя также и тебя! За то, что какъ лиса стараешься залѣзть ко мнѣ въ душу и, по лакейскому любопытству, разглядѣть, что въ ней происходитъ, чтобы потомъ имѣть о чемъ говорить съ другими лакеями, судачить обо мнѣ, осмѣивать меня за глаза!

— Княжна!—сказалъ серьезно Иванъ.— Прошу княжну такъ не говорить. Никогда ни о комъ я не сплетничаю, не осмѣиваю ни въ глаза ни за глаза. А если я кое-о-чемъ княжну спрашивалъ, то лишь потому, что желалъ бы княжнѣ помочь чѣмъ-нибудь.

— Мнѣ? Ты, Иванъ?

— А почему бы нѣтъ? Если только княжна пожелаетъ.

— А что же ты можешь для меня сдѣлать, Иванъ?

— Все, чего княжна захочетъ.

— Все! Ну, это слишкомъ много. А если я захочу, напримѣръ, чтобы этотъ фонарный столбъ пришелъ сюда и поклонился мнѣ?

Едва княжна сказала эти слова, какъ

грубый высокій столбъ, тяжело стону-
чи, началъ выламываться изъ земли,
приблизился къ фаэтону, странно ша-
таясь то въ ту, то въ другую сторону,
и, сильно треснувши, поклонился княж-
нѣ, а затѣмъ воротился на свое мѣсто.

— Ха-ха-ха! — не могла удержаться
княжна Нина, чтобы, невзирая на все
свое горе, не разразиться смѣхомъ; но
сразу же она опять стала серьезна. —
Что это за чудеса, Иванъ?

— Вѣдь я уже сказалъ вамъ, что могу
сдѣлать все, что захочу, — спокойно от-
вѣтилъ Иванъ.

— Что же, ты колдунъ?

— Колдунъ не колдунъ, а имѣю та-
кую силу.

— Значить, можешь и такъ сдѣлать,
чтобы баронъ сломалъ себѣ шею, какъ
только пріѣдетъ въ намъ?

— Могу, — сказалъ Иванъ. — Но что
вамъ отъ того прибудетъ?

— Ты правъ, — грустно сказала Ни-
на. — Злюка я, чувствую я это. А его
несчастіе мнѣ ни къ чему не послужитъ.
Не онъ, такъ кто-либо другой такой же
купилъ бы меня... Знаешь что, Иванъ, —
сказала она, подумавши съ минуту: —

если хочешь что-нибудь для меня сдѣлать, то сдѣлай такъ, чтобы я была счастлива.

— Одного этого, прошу извинить меня, я не могу сдѣлать,—грустно сказалъ Иванъ.

— Какъ не можешь? Почему?

— Если бы я могъ, то прежде всего сдѣлалъ бы это для самого себя.

— Значитъ, и ты также несчастливъ?—съ искреннимъ сочувствіемъ спросила Нина.

— О, и очень!—сказалъ Иванъ.

— Правда, ты слуга.

— Э, что тамъ, что слуга!—отвѣтилъ Иванъ.—Коли я служу, то по своей волѣ. Вѣдь вы видите, что если я могъ заставить фонарный столбъ кланяться вамъ, то много ли мнѣ стоитъ, чтобы изъ слуги стать бариномъ? Но что мнѣ въ этомъ!

— Ну, такъ чего же тебѣ не достаетъ?

— Э, что объ этомъ говорить!—сказалъ Иванъ, махнувши рукою.

Прошло нѣсколько дней. Нина, очевидно, избѣгала Ивана, который, также задумчивый и грустный, сидѣлъ больше въ конюшнѣ или около конюшни. Онъ

тосковалъ о селѣ опротивѣлъ ему городъ и эта непрестанная сутолока чужихъ людей, и эта бездна тоски и страданія, которыя каждый носить съ собой и старательно прячетъ отъ взглядовъ сосѣдей словно кладъ. Пустота и безцѣльность бытія, которыя онъ передъ этимъ не разъ уже чувствовалъ, теперь стали передъ нимъ во всей своей безнаденной наготѣ, окружили его какъ стѣны, высокія-высокія, до самаго неба, какъ страшная тюрьма, съ которой ему не суждено было разстаться до самой смерти. Его воля, не находя нигдѣ ни поддержки и помѣхи ни границъ, ослабѣла. Впрочемъ, что ему воля, когда единственное препятствіе ей воздвиглось какъ разъ тамъ, гдѣ было ядро всего: все давалъ ему чудесный перстень, кромѣ счастья и внутренняго довольства. Нѣсколько разъ уже приходило Ивану въ голову, что лучше бы ему обходиться безъ этого чудеснаго дара. Но все еще какая то надежда мелькала передъ нимъ, и надежда эта теперь имѣла подобіе и лицо и голосъ княжны Нины. Помочь ей, выручить ее, вырвать изъ рукъ безсовѣстныхъ ростовщиковъ и

не менѣе безсовѣстныхъ родителей и за это и послѣ этого заслужить ея любовь,—вотъ о чемъ думалъ Иванъ, одинъ сидя на своемъ прилавкѣ и покуривая трубку.

Правда, Иванъ не вдругъ пришелъ къ такому рѣшенію. Сначала сообразивши, что Нина ему нравится, онъ пожелалъ, чтобы она полюбила его. Но, къ его удивленію, перстень и здѣсь оказался безсильнымъ. Если Иванъ желалъ, чтобы она въ ту же минуту вышла на кухню или во дворъ, чтобы похлопала лошадь по шеѣ или ударила его по плечу, чтобы разсмѣялась или разсердилась,—все это исполнялось немедленно. Но его пылкое желаніе ея любви оставалось неисполненнымъ. Въ ея присутствіи онъ чувствовалъ робость, несмѣлость, чувствовалъ, что отъ нея вѣетъ холодомъ, какимъ-то чуждымъ и непонятнымъ для него духомъ, который становился непроходимой стѣною между ними даже тогда, когда она смѣялась, шутила съ нимъ, хлопала его по плечу.

„Ничего, — подумалъ, наконецъ, Иванъ.—Видно, ея натура сильнѣе фонарнаго столба, и мой перстень не мо-

жетъ ее измѣнить. Ну, да вѣдь это дѣло не горитъ. Можетъ, время понемногу измѣнить... Можетъ, когда увидить мою помощь, узнаетъ меня ближе, то и...

И онъ бросилъ опыты съ перстнемъ, сидѣлъ, смотрѣлъ безучастно, слушалъ, что говорили слуги, и молчалъ.

А въ домѣ тѣмъ временемъ расположились портнихи и модистки, работая надъ свадебнымъ приданымъ княжны. Князь и княгиня, получивши отъ будущаго зятя значительный задатокъ за дочь, по цѣлымъ днямъ развлекались въѣ дома, разумѣется, порознь, каждый въ своемъ кругу. Княжна Нина тоже рѣдко оставалась дома, откуда гналъ ее видъ этихъ противныхъ приготовленій. Въ кружкѣ веселыхъ, болтливыхъ подругъ она скоро забывала о своемъ горѣ, смѣялась, прыгала, шутила, какъ будто никакого барона и никакого контракта на ея душу и никакого задатка за ея тѣло и вовсе не было на свѣтѣ.

XV.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней княжна Нина опять велѣла запрячь лоша-

дей. Когда выѣхали, она велѣла направиться въ сторону, противоположную той, въ которую обыкновенно ѣздили. Скоро выѣхали за городъ и подѣхали къ мосту. Большая глубокая рѣка быстро, съ глухимъ шумомъ катила подъ нимъ свои волны. Княжна Нина задрожала, услышавши этотъ шумъ и стукъ колесъ по мосту, но тотчасъ же начала довольно громко напѣвать какую-то веселую пѣсенку. Когда уже были на серединѣ моста, она окликнула совершенно свободно:

— А стань-ка, Иванъ!

Иванъ остановилъ лошадей. Въ ту же минуту княжна вышла изъ фаэтона и быстро, какъ бѣлка, подбѣжала къ периламъ, перескочила черезъ нихъ и кинулась въ темныя пѣнистыя волны рѣки. Но въ тотъ моментъ, когда она долетѣла до воды, какая-то невидимая могучая рука схватила ее, подняла и опять усадила въ фаэтонъ.

— Зачѣмъ эта комедія?—съ упрекомъ проворчалъ Иванъ, преспокойно сидѣвшій на козлахъ.

— Комедія!—воскликнула Нина, обливаясь слезами.—Вѣдь я хотѣла лишь

положить конецъ той отвратительной комедіи, которую надо мною творять. Иванъ, Ваня, прошу тебя,—обратилась она вдругъ къ нему,—дай мнѣ умереть! Дай мнѣ повторить то, въ чемъ ты мнѣ помѣшалъ.

— Пусть княжна объ этомъ и не думаютъ!—отвѣтилъ Иванъ.

— Но бойся Бога! Я не могу возвратиться домой! Вѣдь сегодня должно быть мое формальное обрученіе съ барономъ. Я не могу больше выдержать.

— Кто же васъ заставляетъ возвращаться домой? — спокойно возразилъ Иванъ. — Я думаю, можно не возвращаться и жить.

— Не возвращаться и жить? Но куда же я дѣнусь, что стану дѣлать?

— Боже мой, свѣтъ такъ широкъ! Вѣдь вы сказали, что хотѣли на службу наняться...

— Такъ ты совѣтовалъ бы мнѣ это сдѣлать?

— Что же, когда иначе нельзя, то все же лучше на службу наняться, чѣмъ кормить собою кротовъ и раковъ подъ мостомъ. Но мнѣ кажется, что княжна, слава Богу, еще не нуждается въ этомъ.

Почему бы княжна не могла... напри-
мѣръ...

— Что такое? Говори!

— Ну, напримѣръ... принять меня въ
себѣ на службу?

— Тебя? Къ себѣ на службу?—врик-
нула Нина.—Ха ха-ха! Тебя, который
въ любую минуту можетъ самъ стать
господиномъ, болѣе богатымъ и могу-
чимъ, чѣмъ всѣ господа на свѣтѣ,—и
я, бѣдная, одинокая, лишенная всего на
свѣтѣ, могла бы принять тебя на службу?

— А если бы я княжну объ этомъ
просилъ?—сказалъ Иванъ. — Повѣрьте
мнѣ, что лишь тогда человѣкъ наилучше
сумѣетъ услужить другому, когда его
къ этому принуждаетъ не необходимость,
а собственная воля и собственная...

— Что?

— Э, да что тамъ!—оборвалъ Иванъ.—
Такъ какъ же? Приметь меня княжна на
службу? Я буду слугою покладистымъ.
Платы никакой не желаю; когда княжна
меня уволить—пойду прочь; а чего бы
только княжна ни пожелала, — лишь
прошу мнѣ объ этомъ сказать, все въ
тотъ же мигъ будетъ исполнено.

Княжна Нина, улыбаясь сквозь слезы, подала Ивану руку.

— Хорошо, — сказала она. — Принимаю твои услуги, но съ тѣмъ условіемъ, что ничего не стану тебѣ приказывать. Оставляя ту жизнь, которую ненавижу, хочу разомъ оставить и ея обычаи. Не хочу, чтобы ты былъ моимъ слугою. Будь моимъ товарищемъ, братомъ, — хорошо?

Иванъ сжалъ поданную ему руку княжны.

— Противъ этого ничего не имѣю, — сказалъ онъ радостно.

— Ну, а что же теперь станемъ дѣлать?

— Я думаю, — сказалъ Иванъ, — что лучше всего возвратиться на минутку домой.

— Зачѣмъ же это?

— Ну, видите ли, нужно лошадей поставить на мѣсто.

— Ба... а какъ же мы двинемся?

— Прошу княжну объ этомъ не беспокоиться, это ужъ мое дѣло.

— Слушай, Иванъ, — сказала княжна: — не говори мнѣ „княжна“. Говори

мнѣ „ты“, „Нина“,—такъ, какъ бы ты говорилъ съ сестрою.

— Прошу княжну извинить,—отвѣтилъ Иванъ.—Я никогда не имѣлъ сестры, а потому и не знаю, какъ слѣдуетъ говорить съ ней. А пока сижу на козлахъ, буду говорить такъ, какъ до сихъ поръ говорилъ. Потомъ, можетъ, и иначе научусь.

XVI.

Съ того времени видали люди въ разныхъ столицахъ Европы, на модныхъ купаньяхъ, блестящихъ балахъ и въ иныхъ мѣстахъ молодую пару, называвшую себя братомъ и сестрою. Мужчина, хорошо, но просто одѣтый, былъ обыкновенно молчаливъ, держался далеко отъ людей, не танцевалъ и вообще какъ-то уમાлялся и исчезалъ рядомъ съ хорошенькой сестрою. Зато она была предметомъ общаго удивленія и обожанія, — неизвѣстно, за свою ли красоту или же за свое неизмѣримое, какъ казалось, богатство, которое видно было въ ея дорогихъ нарядахъ, брильянтахъ и иныхъ драгоценныхъ украшеніяхъ,

въ блестящихъ экипажахъ и большихъ расходахъ, какіе они дѣлали вездѣ, гдѣ останавливались.

Эти двое были Иванъ и Нина. Покинувши отцовскій домъ, Нина, правда, заявила Ивану свое желаніе возвратиться въ родной край, въ село. Но Иванъ, хорошо зная ея характеръ, сообразилъ, что эта нелюбовь къ господской жизни вызвана была у нея лишь на время тѣмъ тяжелымъ нравственнымъ ударомъ, который она испытала. Время пройдетъ, раны заживутъ, и она, навѣрное, затужитъ объ этой жизни. Вотъ потому онъ предложилъ ей, передъ возвращеніемъ на родину, устроить въ нѣсколько мѣсяцевъ поѣздку по Европѣ, которую и самъ очень радъ былъ посмотреть. Нина какъ будто неохотно приняла это предложеніе, но черезъ нѣсколько дней совершенно забыла о томъ, что когда-то такъ хотѣла вернуться на родину.

Сила чудеснаго перстня проявилась теперь въ полномъ блескѣ. Этотъ перстень переносилъ въ одну минуту изъ города въ городъ, безъ труда и хлопотъ; давалъ имъ въ руки неограниченныя средства, позволялъ тратить неисчисли-

мья суммы, сіять безмѣрнымъ богатствомъ, которое ничего не стоило и которое имѣло лишь тотъ недостатокъ, что, доставшись въ третьи руки, исчезало какъ снѣгъ на солнцѣ. Значить, было оно призракомъ, какъ въ этомъ убѣдился Иванъ, но призракомъ совершенно достаточнымъ для того, чтобы обезпечить имъ славу людей, безмѣрно богатыхъ.

Нина сначала стѣснялась черпать изъ этого чудеснаго источника.

— Какое я имѣю право на это?—говорила она.

Но Иванъ успокоивалъ ее:

— Если ты приняла меня къ себѣ на службу, то позволь мнѣ удовлетворять всѣ твои потребности.

— Но мои потребности могутъ стать напризами.

— И напризы твои будутъ удовлетворены,—сказалъ Иванъ.

И, дѣйствительно, скоро Нина начала дѣлать самое широкое употребленіе изъ даннаго ей права. Блестящій, шумный, оглушающій міръ великосвѣтской жизни былъ ея настоящею средою. И бросилась она въ этотъ міръ съ жаромъ, свойствен-

нымъ ея натурѣ, и скоро забыла обо всемъ остальномъ. Иванъ, къ которому она сначала чувствовала благодарность и хотъ капельку настоящей пріязни, скоро упалъ въ ея глазахъ до уровня тѣхъ низшихъ существъ, которыя живутъ лишь для удовлетворенія желаній и капризовъ существъ высшаго разряда. Въ сравненіи съ блестящими кавалерами, которые роями вились вокругъ Нины, — Иванъ, дѣйствительно, выглядѣлъ очень неказисто. Онъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего родного, котораго, на счастье, блестящіе кавалеры совершенно не понимали; былъ молчаливъ, грустенъ и задумчивъ. Бывали минуты, когда онъ казался ей просто дурачкомъ.

Они проживали обыкновенно въ хорошенькихъ домахъ или въ перворазрядныхъ гостиницахъ, занимая по нѣскольку комнатъ, при чемъ Иванъ, какъ упрямый русинъ, всегда помѣщался въ одной задней комнаткѣ, обставленной скромной мебелью, а остальное предоставлялъ для Нины и ея гостей. Когда онъ со временемъ замѣтилъ, что его присутствіе и неуклюжія движенія не по

вкусу гостямъ Нины, то пересталъ показываться среди нихъ, цѣлыми днями сидѣлъ въ своей комнаткѣ и тосковалъ ужасно. Тысячу разъ онъ пробовалъ заняться чѣмъ-нибудь, хотя бы рѣзаньемъ дерева или шитьемъ сапогъ, чему онъ когда-то подучился отъ сельскаго сапожника, но всякій разъ какая-то невидимая сила вырывала у него изъ рукъ работу, и черезъ минуту все, что онъ хотѣлъ сдѣлать, было сдѣлано безъ него и лежало передъ нимъ.

И вотъ выходилъ Иванъ въ городъ и плелся по улицамъ, конечно, одѣтый простымъ работникомъ, чтобы никто его не узналъ и не беспокоилъ. Молча присматривался онъ къ жизни людей въ этихъ муравейникахъ, которые называются столицами міра.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Иванъ за это время высохъ какъ щепка и совсѣмъ потерялъ охоту въ жизни. Зато Нина расцвѣла какъ роза, дозрѣла совсѣмъ и чувствовала себя безмѣрно счастливою.

— Слушай, Нина,—сказалъ ей разъ Иванъ, послѣ того, какъ нѣсколько дней они не видѣлись и, наконецъ, оста-

лись одни въ квартирѣ:—не время ли намъ воротиться домой?

— Домой?—удивленно спросила Нина.—Куда домой?

— Ну, въ нашъ родной край, къ себѣ?

— Эхъ, Иванъ, что ты говоришь! Развѣ намъ здѣсь нехорошо?

— Мнѣ, Ниночка, нехорошо, — сказалъ Иванъ.

— А чего же тебѣ не достаетъ?—воскликнула дѣвушка, даже не взглянувши на него.—Вѣдь ты имѣешь въ рукахъ всѣ средства. Сдѣлай такъ, чтобы тебѣ было хорошо.

— Хорошо мнѣ можетъ быть только въ своемъ краю, чувствую я это, — сказалъ Иванъ.

— Такъ ты хотѣлъ бы меня бросить?—вырвалось изъ устъ Нины.

Иванъ посмотрѣлъ на нее долгимъ печальнымъ взглядомъ и ничего не сказалъ. Теперь онъ убѣдился, что всѣ его мечты о томъ, чтобы заслужить благосклонность ея, были напрасны. Невидимая стѣна, раздѣлявшая ихъ, не поддавалась силѣ его перстня и не хотѣла отстраниться. Но Иванъ все еще не переставалъ надѣяться, хотя самъ

не зналъ, на что и зачѣмъ. Лишь теперь, при одномъ ея словѣ, изъ котораго онъ понялъ, что ихъ ничто не связываетъ, Иванъ почувствовалъ, что его надежда пропадаетъ и развѣвается дымомъ. У него заболѣло около сердца, онъ поблѣднѣлъ и сжалъ зубы, чтобы не застонать отъ боли.

Нина, занятая своимъ нарядомъ передъ зеркаломъ, не смотрѣла на него. Только по молчанію Ивана она догадалась, что послѣднее слово неловко вырвалось у нея изъ устъ. И вотъ она обернулась, подбѣжала къ Ивану и, переходя изъ одной крайности въ другую, охватила его голову ладонями и, лаская и цѣлуя его въ лобъ (въ уста они ни разу не отваживались еще цѣловаться), нѣжно проговорила:

— Нѣтъ, Ваня, нѣтъ, братецъ мой! Я знаю, что ты меня не бросишь. И я тебя не покину, вѣрь мнѣ! Полетимъ вмѣстѣ оба въ нашу дорогую родную сторону. Уже скоро, черезъ нѣсколько недѣль. Ахъ, я такъ еще хочу погулять, потанцовать, повеселиться! Боже, вѣдь тамъ, дома, мы засядемъ какъ кролики въ норѣ. Тамъ вѣдь не будетъ уже того,

что здѣсь, не правда ли? Я даже и сама этого не хочу. Но теперь эти нѣсколько недѣль пусть будутъ моими! Хорошо, Ваня?

Иванъ былъ печаленъ. Съ нѣкотораго времени замѣтилъ онъ одного кавалера, который постоянно вертѣлся около Нины и, очевидно, снискалъ себѣ ея благосклонность. Зависть заставила Ивана тайкомъ прослѣдить жизнь и отношенія этого человѣка. Иванъ убѣдился, что этотъ человѣкъ, молодой графъ Эдвинъ, — человѣкъ очень низкой пробы, картежникъ и распутникъ. Растративши въ молодости большую часть отцовскаго имѣнія, онъ теперь расточалъ остатокъ. Въ обществѣ держался прилично и скромно, игралъ роль большого барина, но тайкомъ занималъ деньги, у кого могъ, не платилъ портнымъ и другимъ ремесленникамъ, жилъ въ долгъ въ гостиницѣ, и даже у своего стараго кучера не стыдился занимать деньги, которыя тотъ въ лучшія времена приберегъ было себѣ на старость. Отъ этого кучера, съ которымъ Иванъ сблизился, онъ узналъ объ Эдвинѣ достаточно для того, чтобы выработать себѣ опредѣленный взглядъ

на него. Эдвину грозило, очевидно, разореніе, и онъ закинулъ удочку на Нину, которую считалъ очень богатой. Ивану даже страшно стало, когда онъ подумалъ о томъ, что ожидаетъ эту неразумную дѣвушку въ рукахъ этого чело-вѣка, и онъ рѣшилъ предостеречь ее.

— Слушай, Ниночка, — сказалъ онъ, мягко освобождаясь отъ ея ласкъ, причинявшихъ ему вмѣсто удовольствія страданіе. — Я хотѣлъ бы тебя спросить объ одной вещи, но дай мнѣ слово, что не разсердишься.

— Ну, спрашивай, спрашивай, медвѣдь! — смѣялась Нина, съ потѣшною серьезностью опираясь локтемъ въ его плечо.

— А скажешь мнѣ правду?

— Это ужъ какъ мнѣ понравится.

— Правда ли или же мнѣ только такъ кажется, что тебѣ понравился графъ Эдвинъ?

— Что? — крикнула Нина и вся вспыхнула румянцемъ какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Не хочу дѣлать тебѣ упрека, — спокойно сказалъ Иванъ, — но лишь предо-

стерегаю тебя, что графъ — человекъ, не достойный твоего чувства.

— Почему?

— Не требуй отъ меня подробностей, но прими это предостереженіе какъ отъ брата.

— А если это лишь низкая клевета?

— Я имѣю кое-какія доказательства.

— Спрячь про себя доказательства, — сказала обиженно Нина. — Впрочемъ, могу тебя увѣрить, что графъ для меня ничего не составляетъ.

И отвернувшись, чтобы выйти.

— Слушай, Нина, — сказалъ Иванъ, не двигаясь съ мѣста: — ты вѣдь ничего не говорила ему объ источникѣ нашего богатства?

— О какомъ источникѣ? — тихо спросила Нина и поблѣднѣла.

— Вѣдь ты знаешь, о чемъ я думаю, — о моемъ перстнѣ.

-- Ничего. А развѣ что?

— Прошу тебя и впредь не говорить ему объ этомъ.

— Зачѣмъ эти напоминанія? И почему какъ разъ по поводу его?

— Ну, такъ, случайно пришло мнѣ на память. Человекъ могъ бы совершенно

напрасно быть введеннымъ въ искушеніе.

— Ты глупъ, Иванъ!—крикнула Нина.

— Совсѣмъ напрасно, Ниночка. Дай себѣ трудъ понять меня! Совсѣмъ напрасно!

Но она уже не слыхала этихъ словъ и, напѣвая какую-то французскую пѣсенку, вертѣлась въ сосѣдней комнатѣ.

А когда ночью Иванъ спалъ глубокимъ сномъ въ своей комнатѣ, къ нему вошелъ графъ Эдвинъ, ступая тихонько на пальцахъ, снялъ съ его пальца чудесный перстень и, уходя, заперъ за собою дверь на замокъ. Внизу, въ сѣняхъ гостиницы, его уже ожидала Нина, одѣтая въ дорожное платье, а слуги выносили тяжелые тюки вещей, предназначенные въ дорогу.

— Ну, что?—шопотомъ спросила Нина.

— Спитъ какъ убитый,—шопотомъ отвѣтилъ Эдвинъ.—Пока проснется, будемъ уже далеко. Вотъ перстень.

Эдвинъ надѣлъ его себѣ на палецъ.

— Дорогой мой, благодарю тебя!—шепнула Нина, стискивая ему руку.— Ты даровалъ мнѣ новую жизнь, освобо-

дивши отъ этого медвѣдя съ лакейскою душою.

Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ, запряженный превосходной четверкой, мчался по городскимъ улицамъ, увозя счастливую пару бѣглецовъ.

XVII.

Первое чувство, испытанное Иваномъ на другой день, когда онъ проснулся довольно поздно, было чувство удивительнаго облегченія. Ему казалось, что тяжелыя цѣпи распались на немъ, что свѣтъ сразу прояснѣлъ. Не зная онъ сначала, что бы это значило, но вскорѣ, прикоснувшись правою рукою къ лѣвой, онъ замѣтилъ отсутствіе перстня. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ и началъ припоминать, гдѣ могъ бы потерять его, но не могъ припомнить. Направился къ дверямъ, чтобы извѣстить Нину объ этомъ приключеніи, но дверь была заперта снаружи. Вдругъ ему все стало понятно.

— А! Такъ вотъ оно что!—воскликнулъ онъ. — Не обмануло меня мое предчувствіе. Моя Ниночка дѣйствительно условилась съ этимъ вѣтрого-

номъ! Взяли мой перстень, думая, что не зная какой владѣ достали! Ха-ха-ха! Дай Богъ вамъ счастья! А мы тѣмъ временемъ попробуемъ, какой вкусъ въ трудѣ!

И взялъ щетку, чтобы почистить свою одежду, но въ ту же минуту почувствовалъ, что чудесный узелъ опять завязывается передъ нимъ, что невидимая сила вырываетъ у него щетку, обезсиливаетъ его мускулы,—перстень вновь былъ у него на пальцѣ.

— Ну, не хотѣлъ бы я въ эту минуту видѣть лица ихъ обоихъ! — сказалъ Иванъ самому себѣ.

Сила перстня сразу отперла ему запертую дверь. Иванъ вошелъ въ покои Нины. Покои были пусты, все цѣнное было увезено.

— Ха-ха-ха! — съ болью засмѣялся Иванъ.—Полакомились на побрякушки и убѣждали! Ну, вѣроятно, скоро возвратятся. Пойду навстрѣчу.

Одѣвшись и позавтракавши, Иванъ вышелъ, нанялъ извозчика и поѣхалъ въ ту сторону, куда за нѣсколько часовъ передъ этимъ укатили Нина и Эдвинъ. Не проѣхалъ Иванъ и получа-

са, какъ на встрѣчу ему по дорогѣ показалась простая крестьянская телѣга, а въ ней, на охапкѣ соломы, сидѣли Эдвинъ и Нина. Когда оба экипажа поравнялись, Иванъ остановилъ ихъ и сказалъ Нинѣ такъ спокойно, какъ бы ничего особеннаго и не случилось:

— А не говорилъ я тебѣ, Ниночка, что это ни къ чему не поведетъ? Вѣдь если бы ты ужъ хотѣла устроить прогулку, то можно было сказать мнѣ объ этомъ словечко.

— Молчи! — не помня себя, крикнула ему Нина. — Какъ ты смѣешь такъ за понибрата говорить со мною?

— Но, Ниночка, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Иванъ, — ты сама велѣла мнѣ такъ съ тобой обращаться. А теперь прошу тебя, садись вотъ тутъ со мною. Вѣдь тебѣ не идетъ въѣзжать въ городъ на такой мужичьей телѣгѣ, выѣхавши изъ города четверкою.

— Не нуждаюсь въ твоемъ извозчикѣ! Поѣду такъ, какъ мнѣ захочется, рядомъ съ тѣмъ, которому принадлежитъ мое сердце, которому я отдала все, все...

— И который изъ всего этого имѣ-

етъ ломаный грошъ!—насмѣшливо закончилъ Эдвинъ. — Нѣтъ, матушка, я думаю, что вы, дѣйствительно, лучше сдѣлаете, если возвратитесь въ объятія этого честнаго и благороднаго брата.

— Эдя! — съ выраженіемъ тяжкаго упрека крикнула Нина.

— Э, что тамъ забавляться чувствительными выдумками,—грубо отвѣтилъ Эдвинъ.—Вѣдь вы, госпожа, знаете, что я—голый, разоренный. А тотъ проклятый перстень, который вы приказали мнѣ снять съ пальца вашего брата, вновь, какъ я вижу, украшаетъ тотъ самый палецъ. А въ тотъ самый моментъ, когда исчезъ перстень, исчезли, какъ вы знаете, и всѣ ваши богатства и драгоценности, даже экипажъ и лошади. Осталось у насъ лишь то, что я вчера не проигралъ въ карты, а этого было очень мало, едва хватило заплатить за ужинъ и ночлегъ да нанять эту пышную карету, на которой я уже оттрясъ себѣ бока и кости. И какъ же вы, госпожа, воображаете себѣ наше дальнѣйшее путешествіе, нашу будущность? Мои источники дохода совершенно исчерпаны, а вы имѣете столько

богатства, сколько его имѣетъ турецкій святой, заработать также не сумѣете...

— Буду зарабатывать, Эдя! Заставлю себя! Буду дѣлать все, чтобы не быть для тебя бременемъ, лишь не оставляй меня! Я тебя люблю, Эдя, а къ нему не хочу возвращаться.

— Нина!—крикнулъ Иванъ, до глубины души взволнованный этой сценою, — бѣжишь отъ меня какъ отъ своего величайшаго врага! А вѣдь довольно было одного твоего слова, чтобы я устранился отъ твоихъ глазъ. Ты любила этого господина, — я не хочу стоять вамъ на пути. Будьте счастливы! Охотно я помогъ бы вамъ, если бы это было въ моей власти, но ты видишь сама, что все, что даетъ мнѣ мой перстень, онъ даетъ лишь для меня; въ рукахъ другихъ людей все исчезаетъ. Такъ будьте же здоровы оба! Садитесь на моего извозчика, онъ уже заплаченъ и не исчезнетъ какъ дымъ, какъ исчезла четверка. А я уйду себѣ.

— А куда же ты уйдешь?—спросила Нина, немного пристыженная его рѣчью, когда увидѣла, что онъ сходить съ извозчика.

— Пойду домой, — сказалъ Иванъ. —
Будьте здоровы!

И, пока Эдвинъ и Нина успѣли
успѣться въ новомъ экипажѣ, Иванъ
уже исчезъ изъ ихъ взора.

XVIII.

Какимъ образомъ это случилось,
Иванъ не помнилъ хорошенько. Должно
быть, какое-то невѣдомое ему самому
желанье управляло въ ту минуту силою
чудеснаго перстня. Только и помнить
онъ, что вскорѣ послѣ встрѣчи съ Ни-
ной онъ оказался въ томъ мѣстѣ, изъ
котораго двинулся когда-то въ свѣтъ,
полный розовыхъ надеждъ и могучихъ
желаній. Онъ оказался передъ дворцомъ
князя Вязовскаго, въ его помѣстьи. Не
очень пышный видъ имѣетъ теперь
этотъ дворецъ. Пусто кругомъ, ни жи-
вой души. На оградѣ, на дверяхъ, даже
кое-гдѣ на окнахъ поперекъ хрусталь-
ныхъ стеколъ понаклеены были гро-
мадные печатныя, красныя, синія и
желтыя бумаги.

„Что это такое? Чума здѣсь была?
Или, можетъ, какая нечистая сила за-
кляла это гнѣздо?“ думалъ Иванъ, про-

хаживаясь по дорожкамъ вокругъ дома.

— Эй ты!—крикнулъ ему со стороны грубый голосъ. — Кто ты? Что здѣсь дѣлаешь?

Иванъ оглянулся и перекрестился. Ну, слава Богу, хоть одна живая душа нашлась! Онъ узналъ стараго княжескаго сторожа, сторожившаго паркъ.

— Здорово, дѣдушка Бантромій! — радостно сказалъ онъ, подходя къ старику. — Что же, не узнаете меня? Я Иванъ, княжескій кучеръ, тотъ, что недавно наняли.

— Тотъ, что съ княземъ за границу уѣхалъ? — спросилъ удивленный Бантромій.

— Тотъ самый.

— А какой же дьяволъ тебя принесъ сюда? Или, можетъ, и князь пріѣхалъ?

— Нѣтъ, Бантромій, я одинъ пріѣхалъ, верхомъ на палочкѣ.

— Ну, а князь? Гдѣ онъ? Что съ нимъ?

— Не знаю.

— Вѣдь онъ не сегодня — завтра имѣетъ быть здѣсь.

— Да? Зачѣмъ же?

— Какъ зачѣмъ? Развѣ ничего не видишь?

Онъ вынулъ изъ кармана такой самый листъ бумаги, какъ тѣ, что были наклеены вездѣ на зданіи.

— Видѣть-то я вижу, — еще, слава Богу, не заслонило мнѣ глазъ, — но что эта цыдулька значить — ей Богу не знаю.

— Это объявленія и обозначаютъ они, что нашему князю изъ его имѣнія осталось ровно столько, сколько эта бумага стоитъ.

— А много ли она стоитъ?

Бантромій только свистнулъ, смялъ бумагу въ рукѣ и сдѣлалъ ею такое движеніе, что Иванъ, хотя и неграмотный, совершенно понялъ его значеніе.

— Вотъ оно какъ! Однако, что же это за бумага и что на ней написано?

— На ней написано, что черезъ недѣлю совершится продажа этого дворца и парка и всего имѣнія тому, „кто дастъ больше“.

— О, о, о! — удивлялся Иванъ. — Продадутъ какъ у простѣйшаго мужика!

— А то что же? Законъ для всѣхъ одинъ, и долгъ для всѣхъ *долгъ*, а расплата коротка.

— Ну, а нашлись уже повупатели на имѣніе?

— О, почему бы не нашлись! Но, говорятъ, никто ничего не купить, потому что баронъ—тамъ, говорятъ, какой-то жидъ,—пiявка барономъ называется,—такъ этотъ баронъ уже все въ карманъ прибралъ. Даже и не выступить никто вмѣстѣ съ нимъ на торгахъ. Цѣлюю недѣлю онъ уже здѣсь вертится то по судамъ, то между жидами,—смотри, это онъ велѣлъ нашъ дворецъ такъ разукрасить! Распоряжается здѣсь какъ въ своей собственности. Всю дворню прогналъ, чтобы не кормили напрасно, лишь меня оставилъ на память, да и то, вѣроятно, придется мнѣ на старость брести по свѣту куда глаза глядятъ. Скоро здѣсь не слыхать будетъ человѣческаго слова, а лишь еврейское бормотанье.

— Такъ баронъ здѣсь?—воскликнулъ Иванъ.

— Да нигдѣ же больше. Волочился за княземъ за границую, пока не высосалъ изъ него всѣхъ соковъ, а теперь между ними что-то неладное вышло,—слышно поссорились изъ-за дочери князя; такъ вотъ баронъ и налетѣлъ сюда какъ коршунъ на падаль.

— И никого не найдетъ, кто бы спугнулъ его съ этой падали?

— Его? Барона? Не во снѣ ли ты? Онъ—сила. У него деньги. Если бы ты видѣлъ, какъ тутъ всѣ ухаживаютъ за нимъ!

Въ эту минуту Бантромій встрепенулся и улетѣлъ куда-то; такъ улетѣлъ, что Иванъ и не допускалъ въ его ногахъ столько силы.

„Что это съ моимъ старикомъ случилось?“ подумалъ Иванъ и слѣдилъ за нимъ глазами, пока увидѣлъ въ концѣ аллеи черное пятно, вокругъ которой увивалось что-то, похожее на золотую блестящую муху. Иванъ скоро узналъ это пятно. Это по аллеѣ парка шелъ баронъ и размахивалъ красивою тростью, набалдашникомъ которой служила золотая птица.

Старикъ Бантромій, тяжело дыша, прибѣжалъ къ нему и остановился такъ смиренно, какъ никогда не стоялъ передъ княземъ. Баронъ предлагалъ ему вопросы, и онъ отвѣчалъ, за каждымъ словомъ низко кланяясь и сгибаясь какъ перочинный ножикъ.

„Ну-ну!“ подумалъ Иванъ, плюнулъ и своротилъ въ боковую дорожку, чтобы не встрѣчаться съ барономъ. Черезъ

минуту воротился Бантромій, пристыженный и радостный вмѣстѣ.

— Ты, сынокъ, не очень ужъ смѣйся надо мною,—сказалъ онъ, вытирая свои губы и разглаживая длинные усы.—Непріятно прыгать передъ этакой жабой, это правда, но что же дѣлать, коли онъ—сила. А притомъ же, сыночекъ, человѣкъ еще и промышляетъ понемногу. Видишь, это барону нравится, и онъ послѣ каждой такой бесѣды ни за что червонецъ и твнетъ тебѣ въ руку; ну, и думаешь себѣ: что мнѣ стоитъ погнуть спину? Она не сломится, а червонецъ, сыночекъ, на старость—наилучшая опора.

— Ну, а что же такое говорилъ вамъ сіятельный баронъ?—спросилъ Иванъ, устраняясь отъ непріятнаго разговора.

— О, сегодня баронъ былъ очень ласковъ и веселъ! Говорилъ, что получилъ изъ-за границы какую-то пріятную телеграмму, что сейчасъ ѣдетъ туда и возвратится лишь въ день торговъ, и поручилъ мнѣ надзоръ за всѣмъ имуществомъ.

— Такъ возлѣ васъ можно будетъ и мнѣ здѣсь пріютиться?—спросилъ Иванъ.

— Хорошо, сынокъ! Хоть въ княже-

ской постели спи, но лишь до торговъ. А потомъ уже не моя воля. Потомъ, можетъ, я буду просить тебя, чтобы ты меня у себя приютилъ.

— Хорошо!—весело сказалъ Иванъ.— Пользуюсь вашимъ словомъ. Потомъ и я васъ приючу.

Бантромій печально улыбнулся, потрясая руку Ивана.

— Будемъ, должно - быть, ютиться такъ, какъ два голыхъ въ одну дырявую рубашку. Ну, а ты, должно-быть, голоденъ, тебя угостить бы чѣмъ-нибудь? Знаешь что, сынокъ? Пойдемъ въ княжескую пивную, тамъ у меня въ уголкѣ кое-что припрятано; вотъ и побесѣдуемъ не съ сухими горлами.

Болтая о семъ и о томъ, они подкрѣпились маленько; Бантромій выпилъ бутылку добраго вина, и они, сидя на пустой бочкѣ, продолжали бесѣду.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?—спросилъ Бантромій Ивана.

— Не знаю еще,—сказалъ Иванъ.— Прежде всего мнѣ хочется насолить барону.

— Барону? Ты?—протянулъ Бантромій и удивленно глядѣлъ на Ивана.

— Можетъ-быть, удастся помѣшкать ему на торгахъ,—задумчиво соображалъ Иванъ.

— Ты? Барону? — бормоталъ уже не помня себя отъ неожиданности Бантромій.

— Да,—сказалъ рѣшительно Иванъ.— Это, думаю, будетъ хорошо. Знаете что, дядя Бантромій: помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ, не пожалѣете послѣ.

— Въ чемъ, въ чемъ тебѣ помочь, безумный ты?

— Узнать въ судѣ, за какую сумму имѣніе назначено въ продажу, и какъ мнѣ принять участіе въ торгахъ.

— Но вѣдь съ тобою, съ оборвышемъ-батракомъ, и говорить въ судѣ не станутъ.

Не говоря ни слова, Иванъ всталъ, вышелъ за стѣнку и черезъ минуту явился передъ Бантроміемъ одѣтый баариномъ, съ золотыми часами, въ перстняхъ съ дорогими камнями и держа въ рукахъ палку съ золотымъ набалдашникомъ, гораздо бѣльшимъ, чѣмъ у барона.

— Ну, а если я въ такомъ видѣ покажусь имъ?—сказалъ, улыбаясь, Иванъ.— Тогда захотятъ ли со мною говорить?

— Святъ, святъ, святъ!—крикнулъ, крестясь, Бантромій.—Что же это такое? Какой дьяволъ въ тебѣ сидитъ, Иванъ?

— Никакого дьявола нѣтъ,—сказалъ Иванъ, и въ ту минуту весь барскій нарядъ исчезъ:—это только шутка. Такъ вотъ такую шутку я и хотѣлъ бы спутить съ барономъ. Помогите мнѣ, навѣрное не пожалѣете!

— Да развѣ это такъ трудно развѣдать о торгахъ?—сказалъ Бантромій, все еще не успокоившійся отъ испуга и немного подозрѣвая, не подкапывается ли какая нечистая сила подъ барона, чтобы взять его за старый долгъ.—Впрочемъ, если хочешь, чтобы я помогъ, то и ладно. Мнѣ баронъ ни сватъ ни братъ. Только, сынокъ, если хочешь вступить въ торги, то нужно внести въ судъ залогъ.

— Залогъ? Какой залогъ?

— А какую-то большую сумму денегъ.

— А объ этомъ не безпокойтесь, это у меня найдется.

— Найдется? Тфу! А ну, перекрестись, Иванъ!

— Что это вы, дядя, выдумали? Не вѣрите мнѣ?

— Конечно, не вѣрю. Ну, перекрестись же, а то и шагу съ тобою не ступлю.

— И перекрещусь и „Отче нашъ“ проговорю, если вамъ нужно,—сказалъ Иванъ, крестясь,—только пойдѣмъ.

XIX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора пріѣхалъ князь. Онъ не заѣхалъ въ свой домъ,—тяжело ему было глядѣть на это мѣсто, которое было свидѣтелемъ лучшихъ временъ его жизни, а теперь погибло для него, казалось, навсегда. Онъ остановился въ мѣстной еврейской гостиницѣ, въ одной комнаткѣ, выходившей окнами на грязный, вонючій дворъ.

Узнавши отъ Бантромія о его пріѣздѣ, Иванъ тотчасъ пошелъ къ нему. Засталъ князя полулежащимъ на диванѣ, курящимъ трубку и, казалось, ни о чемъ не думающимъ. Онъ не слыхалъ даже, какъ Иванъ постучалъ въ дверь, отворилъ ее и вошелъ въ комнату. Иванъ, увидѣвши его, подумалъ сначала, что вошелъ не въ ту дверь: этотъ сѣдой, сморщенный, согбенный человѣкъ, эта дряхлая раз-

валина, которая безъ мысли и безъ выраженія на поблекшемъ лицѣ лежала передъ нимъ, хлопая осовѣлыми глазами, — могъ ли это быть князь Вязовскій, тотъ самый, который еще такъ недавно рукоплескалъ опереточнымъ пѣвицамъ и любовался ихъ прелестями?

Увидѣвши Ивана, онъ слабо улыбнулся и махнулъ рукою, не измѣняя своего полулежащаго положенія.

— А, да, да, Иванъ, Иванъ, помню! Хорошій кучеръ, да, да, но плохой слуга. Сбѣжалъ, да, да, сбѣжалъ отъ меня, но ничего не укралъ! Нѣтъ, не могу этого сказать! Ну, хорошо, хорошо! Возвратился на родину? А? За нищенскимъ хлѣбомъ? А? Такъ же, какъ и я, такъ точнехонько!

Дрожащею рукою онъ провелъ по глазамъ, будто хотѣлъ вытереть слезу, но глаза его были совсѣмъ сухіе. Иванъ стоялъ предъ нимъ, не сводя съ него глазъ и не имѣя силъ вымолвить слово.

— Не могу, паренекъ, не могу ничего тебѣ дать, — бормоталъ князь далѣе, съ трудомъ слѣдя за обрывками мыслей, которыя, какъ летающіе шмели, путались въ его обезсиленной головѣ. — Го-

лый я, совсѣмъ голый, такъ точно, какъ и ты. Все прошло! Все пропало! Мое счастье, да, да, паренекъ, сломало себѣ ногу гдѣ-то въ дорогѣ, когда спѣшило спасать меня въ послѣдній разъ. И мои меня покинули, да, да! Какъ проклятаго бросили. Дочь исчезла гдѣ-то, можетъ утопилась... Княгиня умерла. О, это онъ, этотъ проклятый баронъ доконалъ ее! Въ тотъ самый день, когда онъ прислалъ по почтѣ печальное объявленіе о продажѣ нашего имѣнія, — ты видѣлъ эти объявленія? говорятъ, ими весь нашъ дворецъ оклеенъ; я не ѣздилъ туда, не хотѣлъ видѣть, чтобы и мнѣ не пришла охота послѣдовать примѣру княгини, — бѣдная женщина, да, да! ни словечка не сказала, не поморщилась, а ночью взяла да и...

Иванъ стоялъ остолбенѣлый.

— Зачѣмъ я пріѣхалъ сюда, спрашиваешь? — говорилъ князь далѣе, хотя Иванъ ни о чемъ его не спрашивалъ. — Самъ не знаю. Не хотѣлось пропадать на чужой сторонѣ, какъ собакѣ подъ чужимъ плетнемъ. Подъ своимъ лучше. А знаешь, въ Локарно... — а! ты не былъ въ Локарно? хорошая мѣстность! — тамъ

когда-то старая ворожея сказала мнѣ: „Когда васъ постигнетъ крайнее несчастіе, возвращайтесь домой, тамъ васъ ожидаетъ спасеніе“. Вотъ я и воротился, на послѣдніе гроши стянулся, да воротился. Ну, ну, будь здоровъ, Иванъ, Иванъ, — а прозванія такъ и до сихъ поръ не знаю, Иванъ кучеръ! Хорошій кучеръ! Разбойниковъ кнутомъ побилъ. А, да, да, помню! И не укралъ ничего. Ну, ну, будь здоровъ, будь здоровъ!

Печаленъ шелъ Иванъ улицей, вышедши отъ князя. Этому развѣ заступъ да лопата помогутъ. О дочери, очевидно, ничего не знаетъ, а, можетъ, и слыхалъ, да не помнитъ. А стоило бы знать, гдѣ теперь княжна Нина.

Въ эту минуту его что-то толкнуло, заставило поворотить голову и посмотреть направо. Въ экипажѣ, запряженномъ парюю добрыхъ лошадей, въ облакахъ пыли ѣхалъ какой-то пожилой господинъ и рядомъ съ нимъ еще молодая дама. Господинъ, опершись лѣвою рукою о золотой набалдашникъ трости, правою показывалъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ княжескій дворецъ. Дама сидѣла, свободно наклонивши въ ту сто-

рову голову и громко смѣясь. Оба лишь промелькнули передъ Иваномъ. Экипажъ сейчасъ своротилъ въ аллею княжескаго парка и исчезъ между деревьями; но Иванъ сразу узналъ этихъ господъ. Это были баронъ и Нина.

— Я такъ и думалъ, что ей не надолго хватить любви къ Эдвину, когда нечего будетъ ѣсть. Но чтобы она добровольно пошла къ барону—этому не повѣрю,—подумалъ Иванъ, идя слѣдомъ за ними.

XX.

Насталъ день публичныхъ торговъ. Первымъ явился баронъ въ одномъ экипажѣ съ Ниною. Торги происходили не въ домѣ, а возлѣ хозяйственныхъ построекъ, на широкой площади. Нина вышла изъ экипажа и сѣла на крыльцѣ; баронъ ходилъ по двору, ожидая прибытія чиновниковъ.

Явились и чиновники съ бумагами, съ молоткомъ; а за ними валила густая толпа жидовъ, мѣщанъ, крестьянъ, ѣхали любопытные господа, прибылъ даже господинъ староста *) для соблюденія

*) *Староста* въ Галиціи, какъ когда-то въ Польшѣ, есть начальство, въ родѣ нашего исправника.

порядка. Баронъ глядѣлъ на всѣхъ весело, со всѣми здоровался какъ съ знакомыми, со старостою началъ бесѣду о политикѣ, но, не окончивши ея, подбѣжалъ къ столу, гдѣ удары молотка дали знать, что начинается чиновничья дѣятельность.

Въ эту минуту толпа зашевелилась, зашептала и забурилась какъ кипятилокъ. По дорожкѣ отъ города подъѣхала маленькая телѣжка, похожая на тѣ, въ которыхъ возятъ маленькихъ дѣтей, съ рукояткою сзади. Въ телѣжкѣ сидѣлъ согбенный, посѣдѣлый и сморщенный человекъ съ трупнымъ видомъ лица и осовѣлыми глазами, а за телѣжкой шелъ, двигая ее впередъ, молодой парень, одѣтый въ простое крестьянское платье.

— Князь, князь! — шептала толпа.

Чиновники, услышавши это, остановили свою дѣятельность, пока телѣжка подъѣхала къ самому столу. Нина, сидя подъ навѣсомъ, вздрогнула, увидѣвши отца такимъ несчастнымъ и безпомощнымъ. Она поблѣднѣла, двинулась съ мѣста, но тотчасъ же опять сѣла, будто какая-то невидимая рука придавила ее къ прежнему мѣсту.

Чиновникъ началъ медленно читать судебную формулу, а потомъ началъ выкрикивать имена вѣрителей, претензіи которыхъ должны быть удовлетворены продажей княжескаго имѣнія. Только одинъ изъ нихъ и откликнулся—баронъ. При каждомъ новомъ имени онъ заявлялъ: „удовлетворенъ!“ и выкладывалъ на столъ скупленные векселя и удостовѣренія въ томъ, что претензіи къ княжескому имуществу не имѣетъ.

Оказалось, что остался лишь одинъ вѣритель—баронъ, а его претензіи были равны суммѣ всѣхъ претензій прежнихъ вѣрителей. Сумма долга была полмилліона.

Потомъ началось чтеніе длиннаго списка всего имущества князя, съ указаніемъ стоимости его. Какъ ни было истощено это имѣніе, но все же стоимость его была въ три раза болѣе долга.

— Именемъ единственнаго вѣрителя барона Шпицкопфа приглашаю свѣтлаго князя Вязовскаго къ миру,—громко сказалъ чиновникъ, обращаясь къ князю въ телѣжкѣ.—Господинъ баронъ готовъ отступить отъ торговъ, если князь Вязовскій откажется отъ всякихъ

дальнѣйшихъ претензій къ своему имуществу. За это баронъ согласенъ давать ему приличное содержаніе до смерти.

— Отъ имени больного, разбитаго параличомъ, но здраваго умомъ князя Вязовскаго, — раздался въ отвѣтъ ясный, звонкій голосъ изъ-за телѣжки, — заявляю, что князь такихъ условій не принимаетъ и желаетъ торговъ.

Слова эти какъ громомъ поразили всѣхъ присутствующихъ. Баронъ такъ много говорилъ всѣмъ о расположенности къ нему князя, о его боязни торговъ, объ увѣренности въ согласіи съ его стороны на мировую, что рѣшеніе князя вести торги было для всѣхъ полною неожиданностью. Баронъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ, услыхавши эти слова, но сейчасъ же гордо улыбнулся: окинувши взоромъ всѣхъ собравшихся, онъ не нашелъ среди нихъ никого такого, кто могъ бы стать ему опаснымъ.

Еще болѣе поразили эти слова Нину. Она въ голосъ ихъ сразу узнала Ивана. Она сообразила, что здѣсь будетъ что-то необычайное, но что и ради какой цѣли — не знала. Вся она начала дрожать. Чувствовала, что на ней покоится взглядъ

Ивана, но сама не осмѣливалась посмѣ-
трѣть на него и лишь ожидала съ глу-
хою тревогой каждаго новаго слова,
какое раздастся среди общей тишины
съ устъ Ивана, будто ожидая тяже-
лаго удара.

— Если такъ, то о мирѣ не можетъ
быть дальше и рѣчи,—произносилъ чи-
новникъ далѣе.—А затѣмъ ставится на
публичную продажу все выше описанное
имущество князя Вязовскаго, стоимостью
въ полтора милліона, за объявленную
цѣну въ 600.000, для удовлетворенія
претензій барона Шпицкопфа въ суммѣ
500.000, а также расходовъ по веденію
дѣла и иныхъ. Объявленная цѣна 600.000,
кто дастъ больше?

— Я дамъ 600.000,—громко сказалъ
баронъ и побѣдоносно оглянулся кру-
гомъ.

— Я дамъ 700.000,—раздался вдругъ
голосъ Ивана за княжеской телѣжкой.

— Что за я? Кто такой?—крикнулъ
баронъ.

— Я, Иванъ-Лѣвнтій,—спокойно отвѣ-
тилъ Иванъ.

— Ты? Отъ имени князя?

— Нѣтъ, отъ своего собственнаго.

— Прошу устранить этого дурака,— обратился баронъ къ столу:—пусть онъ не мѣшаетъ. Онъ не имѣетъ здѣсь никакого права говорить.

— Извините, баронъ,—вѣжливо отвѣтилъ чиновникъ: — Иванъ-Лѣвнтій объявленъ здѣсь желающимъ торговаться, прошу посмотреть.

— Какъ, и залогъ внесъ?

— И залогъ внесъ.

— А! — крикнулъ баронъ, не удержавшись со злости.

Общій смѣхъ толпы былъ отвѣтомъ на это невольное восклицаніе.

— Вотъ Иванъ-Лѣвнтій даетъ 700.000, кто дастъ больше?

— Я даю 800.000,—сказалъ, немного успокоившись, баронъ.

— Я даю 900.000,—сказалъ Иванъ.

— Я даю милліонъ!—бѣшено крикнулъ баронъ, чтобы этимъ словомъ какъ громомъ побить Ивана.

Слово милліонъ вызвало въ публикѣ шопотъ удивленія. Баронъ бросился къ Нинѣ и началъ что-то быстро говорить ей, но она не имѣла силы отвѣчать ему. Зубы ея стучали, и вся она тряслась какъ въ лихорадкѣ и едва могла сказать барону:

— Держитесь! Онъ васъ запугать хочетъ. Онъ на мою душу мѣтитъ. Держитесь, баронъ!

— Я ему покажу, какъ со мною спорить! — гордо сказалъ баронъ, возвращаясь къ столу, гдѣ чиновникъ уже давно стучалъ и кричалъ, чтобы водворить тишину.

— Даю миллионъ и тысячу, — сказалъ Иванъ, не двигаясь съ мѣста.

— А, подается уже, подается! — говорила толпа, въ которой люди едва не сидѣли другъ у друга на плечахъ, чтобы только посмотреть на этого удивительнаго покупателя въ крестьянской дерюгѣ, о которомъ никто не зналъ, кто онъ, откуда взялся и за чьи деньги покупаетъ.

— Я даю миллионъ и сто тысячъ! — крикнулъ баронъ.

— Браво, браво! — загудѣло въ толпѣ евреевъ, которую полицейскій чиновникъ бросился унимать.

— Я даю на тысячу больше, — сказалъ Иванъ.

— Я даю миллионъ двѣсти тысячъ.

— Я даю на тысячу больше, — какъ машина повторилъ Иванъ.

— Я даю полтора милліона! — заревѣлъ баронъ, побагровѣвши.

— Я даю на тысячу больше, — твердилъ свое Иванъ.

Барону начало дѣлаться страшно. Сумма, до которой онъ дошелъ, на много превосходила то, на что онъ могъ рассчитывать при этихъ торгахъ. Онъ надѣялся стать господиномъ княжескаго имѣнія безъ всякаго дальнѣйшаго торга, прибрать все за долги; а между тѣмъ ему придется или уступить и взять лишь свой долгъ или держаться дальше въ этомъ бѣшенномъ торгѣ. Ему вспомнились слова Нины, и онъ, собравшись съ послѣдними силами, крикнулъ:

— Даю милліонъ и шестьсотъ тысячъ!

Никто не откликнулся на эти слова. Вся толпа замерла, ожидая, что скажетъ дальше Иванъ. Но Иванъ молчалъ и возился зачѣмъ-то возлѣ князя.

— Милліонъ шестьсотъ тысячъ въ первый разъ! — кричалъ чиновникъ. — Кто дастъ больше?

Никто не отвѣтилъ.

— Другой разъ! — выкрикивалъ чиновникъ далѣе.

Молчаніе.

— Третій разъ!

Минута мертваго молчанія, — и баронъ изъ гордаго богача сталъ разореннымъ владѣльцемъ княжескаго имѣнія. Онъ это хорошо чувствовалъ въ ту минуту. Всѣхъ его наличныхъ денегъ не хватало на то, чтобы уплатить выторгованную цѣну. Придется занимать значительную сумму, отдать всѣ доходы съ только-что прибрѣтеннаго имѣнія на уплату процентовъ. А хозяйствовать безъ оборотнаго капитала, — это значитъ впередъ засудить себя на миллионъ хлопотъ, огорченій, разочарованій и въ концѣ концовъ — на разореніе. Вотъ тебѣ и на! Вотъ это такъ гешефтъ, надъ которымъ онъ бился всю жизнь! Барону стало холодно возлѣ сердца.

— Ну, господинъ баронъ, — сказалъ ему насмѣшливо Иванъ, — побѣдили вы меня. Такъ много за это имѣніе я не могъ бы дать.

Баронъ лишь глазами хлопалъ.

Въ эту минуту Нина легкими шагами сбѣжала съ крыльца и наклонилась надъ телѣжкой, въ которой сидѣлъ ея отецъ.

— Папаша! вотъ я! Я твоя! — говорила она, цѣлуя его увядшія руки. —

Прости мнѣ все огорченіе, какія я тебѣ причинила!

— Нинка, Ниночка, да, да! — бормоталъ князь. — Моя дочь! Не утопилась, да, да! Денегъ много требуетъ, но у насъ теперь деньги есть, о-о! У барона выторговали!

Баронъ стоялъ недалеко, слышалъ все это и какъ-то бессмысленно улыбался.

— А ты, Иванъ, сердись на меня? — обратилась Нина къ молодому парню съ очаровательной улыбкой. — Надеюсь, простишь мнѣ за все то, что тамъ было съ Эдвиномъ, — прибавила она шопотомъ. — Подлая душа! Продалъ меня барону.

Все это слышалъ баронъ и при последнемъ словѣ зашатался на ногахъ и упалъ наземь какъ снопъ. Некому было и поддержать его. Пока привезли доктора, онъ уже былъ мертвъ.

XXI.

Не суждено было Ивану испытать счастья съ Ниною. И кто ее пойметъ, женскую натуру! Тутъ сама навязывалась ему, чуть на шею ему не вѣшалась,

пока женился на ней, а через нѣсколь-
ко недѣль послѣ свадьбы сбѣжала съ
гусарскимъ капитаномъ.

Когда онъ еще былъ простымъ сель-
скимъ парнемъ, онъ не могъ предста-
вить ничего лучше жизни помѣщика.
Но теперь эта жизнь опротивѣла ему за
нѣсколько недѣль. Видѣть вокругъ себя
работающихъ людей, а самому не имѣть
возможности ничего работать,—это было
для него наибольшее мученіе.

Пробовалъ онъ прожить зиму въ го-
родѣ, но городская жизнь еще меньше
понравилась ему. Забавы скоро надо-
ѣдали ему, знакомые были ему не по
душѣ, а главное, и здѣсь убивалъ его
недостатокъ труда. Онъ высыхалъ все
больше и терялъ силы. Врачи совѣто-
вали ему двигаться, перемѣнять воздухъ.
И вотъ онъ пошелъ пѣшкомъ путеше-
ствовать по краю. Но чудесный перстень
не позволялъ ему даже и этого труда.
Хотя и казалось, что Иванъ идетъ пѣш-
комъ по землѣ, но онъ чувствовалъ, что
невидимыя руки несутъ его по воздуху
и не позволяютъ опираться на землю.
Во все путешествіе Иванъ чувствовалъ
себя въ положеніи листа, кидаемаго

вѣтромъ. Воля его ослабѣла, потому что ей не приходилось побѣждать никакихъ препятствій. Только теперь онъ узналъ основательно, что трудъ—не только твердая обязанность человѣка, но и прямое условіе его жизни, необходимъ для жизни какъ воздухъ для дыханія. Онъ убѣдился, что безъ труда человѣкъ постепенно перестаетъ быть человѣкомъ, самостоятельнымъ существомъ. Недостатокъ этой человѣческой самостоятельности не вознаграждать ни богатство ни роскошь.

И началъ Иванъ проклинать тотъ чудесный подарокъ, которымъ онъ когда-то утѣшался какъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ, который теперь сталъ его собственностью, но и неумолимымъ господиномъ, всемогущимъ владыкою его тѣла и души. И естественно: кто мнѣ все даетъ, отъ того я и завишу, у того я весь въ рукахъ. На душу Ивана все больше налегала черная туча того чувства, что онъ очень грѣшитъ, пользуясь всѣмъ безъ труда. Онъ началъ бояться своихъ даже невиннѣйшихъ желаній, чтобы не видѣть ихъ тотчасъ исполненными. По цѣлымъ днямъ онъ молчалъ, си-

дѣлъ взаперти и испытывать адскія мученія, сисясь ни о чемъ не думать, ничего не желать.

Иногда онъ вспоминалъ свое прошлое, начиная съ той минуты, когда услышалъ пискъ заколдованной мухи въ деревѣ. Что далъ ему этотъ перстень? Что хорошаго онъ узналъ изъ-за него? Правда, онъ удовлетворялъ его животныя потребности, но не въ бѣльшей мѣрѣ и не лучше, чѣмъ это могла дать служба у простаго мужа. Напротивъ, тамъ на службѣ онъ хотъ иногда чувствовалъ себя довольнымъ, пѣлъ, отдыхалъ послѣ труда, а главное—былъ здоровъ и силенъ. А теперь?.. Правда и то, что посмотрѣлъ немного свѣта и людей, да и изъ этого какая ему польза? Свѣтъ вездѣ одинъ, потому что люди одни, а знанье людей, вмѣсто счастья и удовлетворенія, дало ему знанье горя; это знанье очень сильно подкопало его вѣру въ людей, его охоту къ жизни. Но больнѣе всего для его искренняго сердца было то, что перстень не только не давалъ счастья ему самому, но не позволялъ дѣлать добро для другихъ людей. Все, что давалъ этотъ перстень, слу-

жило лишь одному Ивану; все, что падало въ третьи руки, черезъ нѣсколь-
ко времени исчезало какъ пѣна на бѣ-
гущей рѣкѣ.

— Нѣтъ, не хочу больше жить въ
этомъ аду и носить этотъ адъ съ со-
бою! — сказалъ разъ Иванъ самому се-
бѣ. — Не хочу больше носиться съ этимъ
перстнемъ. Не хочу больше быть на
видъ всемогущимъ и на дѣлѣ неволь-
никомъ, на видъ имѣть все, чего душа
пожелаетъ, а на дѣлѣ не имѣть необхо-
димѣйшаго, безъ чего ни душа ни тѣло
жить не могутъ. Какъ ни малъ этотъ
перстень, — добавилъ онъ, рассматривая
подарокъ дѣда на своемъ пальцѣ, — но
все же сталъ онъ для меня большой тя-
жестью, чѣмъ все то, что носилъ я во
времена моей службы; надавилъ мнѣ
болящія мозоли тамъ, гдѣ никакіе мѣш-
ки съ зерномъ и никакія вязанки дровъ
ихъ не надавили бы! Но довольно уже
терпѣть! Пойду на то мѣсто, которое
указалъ мнѣ дѣдъ, и отдамъ ему пер-
стень.

XXII.

Уже садилось солнце, когда Иванъ прибылъ на извѣстную намъ полянку. Въ лѣсу стояла тишина. Рои комаровъ и мухъ тихо звенѣли и волновались въ тѣни деревьевъ. Гдѣ-то кричала сойка, дятель стучалъ въ сухое дерево. На срединѣ полянки пекло солнце, шелъ запахъ разогрѣтой богородской травы, наклонились къ солнцу тонкія верхушки лѣсныхъ травъ. Большой черный грибъ въ угрюмой задумчивости стоялъ на ровномъ чистомъ мѣстѣ подъ сосною.

— Дѣдъ! Дѣдъ! Дѣдъ! — крикнулъ Иванъ и три раза ударилъ въ дерево.

Отъ этого крика задрожали травы, затихли насекомыя, а деревья передали слова Ивана другъ другу, разнося ихъ по оврагамъ и лѣснымъ зарослямъ. Въ эту минуту грибъ пробудился отъ угрюмаго покоя и началъ расти, расти. Скоро онъ измѣнилъ свой видъ, и передъ Иваномъ стоялъ дѣдъ.

— Ну, что, сыночекъ, ты таки пришелъ? — сказалъ дѣдъ, живая головою на привѣтствіе Ивана.

— Пришелъ, дѣдушка!

— А скоро какъ-то, сынокъ! Видно, не очень пріятенъ мой даръ.

— Скоро! — удивился Иванъ. — Но вѣдь я за это время пережилъ больше, чѣмъ въ сто лѣтъ обычной жизни.

— Ну, а вѣдь мой перстень исполнялъ свою службу хорошо? Надѣюсь, что не считаешь себя мною обиженнымъ?

— Да не обиженъ, что говорить, — сказалъ Иванъ. — Онъ служилъ свою службу хорошо, это такъ; только, видно, эта служба не по моимъ плечамъ, дѣдушка! Не могу больше держать это добро и возвращаю вамъ вашъ подарокъ.

— Я такъ и зналъ, что не выдержишь, — улыбаясь сказалъ дѣдъ, взявъ перстень и надѣлъ себѣ на палецъ. — Однако, что ты теперь станешь дѣлать?

— Буду работать, трудиться! — радостно воскликнулъ Иванъ.

Въ эту минуту, избавившись отъ счастья, онъ чувствовалъ себя въ десять разъ сильнѣе, здоровѣе и смѣлѣе, нежели за минуту передъ этимъ.

— Теперь только я узналъ, какое благо для человѣка есть трудъ.

— Ну, а не хочешь ли еще чего-нибудь отъ меня взятьъ за перстень?

— Нѣтъ, ничего не хочу! — отвѣтилъ Иванъ. — Да и что же вы можете мнѣ дать? Того, что мнѣ больше всего нужно, — счастья, внутренняго довольства...

— Э, сынокъ, этого я тебѣ не могу дать! — сказалъ дѣдъ.

— Знаю это, — сказалъ Иванъ. — А за все иное спасибо вамъ. Все иное я себѣ добуду трудомъ; въ меньшей мѣрѣ, въ большей мѣрѣ — разница небольшая. Будьте здоровы, дѣдушка!

— Иди здоровъ, сыночекъ! — сказалъ дѣдъ и, завертѣвшись волчкомъ на одномъ мѣстѣ, нырнулъ въ землю какъ сверло.

* * *

Что случилось съ Иваномъ? Казалось ему, что какая-то тяжелая истома, до сихъ поръ владѣвшая имъ, отступила отъ него и позволила свободно вздохнуть и выпрямиться. Онъ вздохнулъ, поднялъ голову и — пробудился.

— А! Что это со мною было? — воскликнулъ онъ, подымаясь на ноги съ того мѣста, гдѣ спалъ. — Сонъ ли это былъ, или же я взаправду странствовалъ по чужимъ краямъ?

Оглянулся вокругъ и увидѣлъ свой топоръ, зарубленный на пнѣ.

— Тфу! исчезни, наважденіе!—крикнулъ Иванъ.—И приснится же человѣку такое диво! Должно-быть, я въ такое мѣсто топоръ зарубилъ. Но, эй! взаправду ли это былъ лишь сонъ? А вѣдь, Господи, я долженъ былъ долго проспать! Вѣдь мнѣ казалось, что я прожилъ никакъ не меньше года времени. Ну, а что повидалъ свѣта, то повидалъ, хоть во снѣ лишь, то на одно выйдеть!

И, вспомнивши всѣ свои приключенія, онъ со страхомъ началъ ощупывать свои руки и ноги, не ослабѣли ли онѣ на самомъ дѣлѣ, какъ это ему снилось. Но нѣтъ! Слава Богу, онъ былъ здоровъ, силенъ и молодъ! И, хотя всѣ приключенія были только во снѣ, но любовь къ труду, какую онъ вынесъ изъ нихъ, осталась у него на всю жизнь.

И онъ немедленно принялся рубить дрова, навязалъ большую вязанку ихъ, взвалилъ на плечи и, согбенный вдвое, но довольный собою, направился съ нею къ селу.

К О Н Е Ц Ъ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

Товарищество **И. Д. СЫТИНА**, въ Москвѣ.

КНИЖНЫЯ ТОРГОВЛИ:

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и
Нижегородской ярмаркѣ.

	ЦѢНА. КОП.
Русскія народныя былины. По сборникамъ Кириши-Данилова, Кирѣевского, Рыбникова и Гильфердинга. Составл. В. и Л. Р—нъ. М. 1890 г.	25
Сытые и голодные. Разсказъ Пазухина. М. 1887 г.	25
Жидочки. Пѣсни и куплеты изъ еврейскаго быта. Сочиненіе В. Г. Дмитріева. М. 1890 г.	25
Тысяча и одна ночь. Арабскія сказанія знаменитой Шехеразады, въ 3-хъ част., съ рисунок. М. 1888 г.	25
Таинственный монахъ. Историческій романъ въ 3 част. Изъ временъ великой сѣверной войны Карла XII съ Петромъ Великимъ. М. 1890 г.	25
Серебряный князь. Романъ временъ Іоанна Грознаго. Сюжетъ заимствованъ у гр. Толстого. М. 1890 г.	25
Въ цѣняхъ подъ вѣнцомъ. Соч. Топоркова. М. 1888 г.	25
Царевна Софья. Историческій романъ. М. Евстигнѣва. М. 1888 г.	25
Дорогой гость. Историч. повѣсть врем. Іоанна Грознаго.	25
Робинзонъ Крузэ, или интересныя приключенія. Правдивая повѣсть съ иллюстраціями. М. 1889 г.	40
Морской разбойникъ. Романъ Фенимора Купера. Переводъ Петра Карманова. М. 1890 г.	20
Свѣтлѣйшій князь смоленскій фельдмаршалъ М. И. Голенишевъ-Кутузовъ и его соврем. Истор. очеркъ жизни полководца и его эпохи. Сост. В. Суворовъ. М. 1888 г.	20
Страшный кладъ, или татарская плѣнница. Повѣсть временъ татарщины. Въ 2 ч. Соч. М. Евстигнѣва. М. 1890 г.	20
Разбойникъ Тарасъ Черноморъ. Повѣсть изъ временъ XVI вѣка, въ 2 част. Составилъ В. С. М. 1889 г.	20
Москва въ 1812 году и русскіе люди, или нашествіе Наполеона на Россію. Историч. повѣсть. М. 1891 г.	20

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

ТОВАРИЩЕСТВО И. Д. СЫТИНА, въ Москвѣ.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

1. Книжный магазинъ на Никольской, въ зданіи «Славянскаго Базара».

КНИЖНЫЯ И КАРТИННЫЯ ТОРГОВЛИ:

2. Въ Москвѣ: { у Ильинскихъ воротъ, д. Титова
3. { и на Никольской ул., д. гр. Орлова-Давыдова.
4. Въ С.-Петербургѣ: Большая Садовая, № 25.
5. Въ Кіевѣ: Подоль, Гостиный дворъ.
6. Въ Варшавѣ: Бѣльская улица, № 6.
7. Въ Нижегородской ярмаркѣ: на Шоссе.

ПАРОВАЯ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ,

въ Москвѣ, Валовая улица, свой домъ.

ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

„Всеобщій Русскій календарь“ съ преміей. . .	Цѣна 20 коп.
„ „ „ безъ преміи . . .	„ 15 и 10 к.
„Общепользныи календарь“	„ 30 коп.
„Всероссійскій календарь“	„ 15 „
„Кіевскій календарь“	„ 20 „
„Русскій сельскій календарь“	„ 25 „
„Деревенскій календарь“	„ 20 „
„Отрывной календарь“, большой форматъ . . .	„ 40 „
„ „ малый форматъ . . .	„ 30 „

ВЪ ОГРОМНОМЪ РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ:

КНИГИ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ,

ДѢТСКІЯ КНИГИ,

НАРОДНЫЯ КНИГИ И КАРТИНЫ

31.773

$\Phi \frac{IV}{C-421}$ 1896

1896